

Современная жизнь

Юхан Норберг

немыслима без глобализации:

В защиту

мы покупаем товары

глобального

по интернету, работаем

капитализма

в транснациональных

Книга шведского экономиста Юхана Норберга «В защиту глобального

корпорациях, отдыхаем

капитализма» рассматривает расхожие представления о глобализации

за границей и смотрим

как причине бедности и социального неравенства, ухудшения экологической

иностранное кино.

обстановки и стандартизации культуры и убедительно доказывает, что все

Глобализация —

эти обвинения не соответствуют действительности: свободное перемещение

это совокупность поступков,

людей, капитала, товаров и технологий способствует экономическому росту,

которые мы совершаем

сокращению бедности и увеличению культурного разнообразия.

каждый день.

Юхан Норберг

В защиту глобального капитализма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086615

В защиту глобального капитализма / Пер. с англ. : Новое издательство; Москва; 2007

ISBN 978-5-98379-084-1

Аннотация

Книга шведского экономиста Юхана Норберга «В защиту глобального капитализма» рассматривает расхожие представления о глобализации как причине бедности и социального неравенства, ухудшения экологической обстановки и стандартизации культуры и убедительно доказывает, что все эти обвинения не соответствуют действительности: свободное перемещение людей, капитала, товаров и технологий способствует экономическому росту, сокращению бедности и увеличению культурного разнообразия.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Предисловие	6
Глава 1	13
С каждым днем жизнь становится лучше...	13
Полуправда	13
Преодоление бедности	15
Проблема голода	18
Образование	21
Демократизация	22
Угнетение женщин	24
Китай	26
Индия	28
Глобальное неравенство	30
Необходимые оговорки	33
Глава 2	35
Капитализм для всех	35
Благотворные результаты экономического роста	40
Свобода и равенство вполне совместимы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юхан Норберг

В защиту глобального капитализма

Предисловие к русскому изданию

Как и во многих других странах мира, в сегодняшней России сильны изоляционистские тенденции. Глобализацию часто воспринимают как угрозу, как нечто такое, что может быть хорошо для «других» и к чему «мы» вынуждены приспособливаться. Я и сам раньше так считал, однако изменил свое мнение благодаря убедительным фактам: их изобилие свидетельствует о том, что глобализация – это уникальный шанс для всего мира.

В настоящее время круглосуточно и ежеминутно около шестидесяти человек по всему миру получают возможность вырваться из крайней бедности. За последние двадцать лет число обездоленных людей на планете сократилось вдвое. Такое повышение уровня жизни не имеет прецедента во всей истории человечества. За последнее столетие человечество преумножило свое совокупное богатство и увеличило среднюю продолжительность жизни в большей степени, чем за предыдущие тысячелетия. Наиболее значителен прогресс в государствах, предоставивших своим гражданам возможность использовать идеи и технологии всего мира, а также вести торговлю и осуществлять инвестиции за рубежом. Все это происходит благодаря процессу под названием «глобализация».

Открытость экономики имеет первостепенное значение для тех стран, которые еще не имеют доступа к международному капиталу и технологиям. Именно поэтому сегодня развивающиеся рынки показывают более высокие темпы роста, чем богатейшие государства. В современном мире все еще немало непростых проблем, однако большинство из них являются следствием недостаточной, а никак не чрезмерной глобализации. Именно наименее либеральные и наименее вовлеченные в процесс глобализации страны – такие, как государства Африки южнее Сахары, – по темпам развития отстают от остального мира, где совокупный ВВП удваивается за двадцать с небольшим лет. Многие люди не думают о том, что глобализацию следует начинать изнутри своего государства, – и это является одной из причин подобного отставания. До тех пор пока в отдельной стране не обеспечены верховенство закона и защита прав частной собственности, не ликвидированы коррупция и произвол бюрократии, полноценный доступ к плодам глобализации имеет лишь немногочисленная окол властная элита.

Я написал эту книгу с целью рассказать о настоящем потенциале глобализации и о том, как много теряют государства, не вовлеченные в этот процесс. Решение самых значимых проблем современности уже найдено – и оно не в амбициозных политических программах, оно исходит от простых людей. Всегда и везде, если у бедных появляются права на собственность, работу и торговлю, а также свобода доступа к капиталу и возможность создать свое дело, им удается преуспеть и расширить возможности для себя и всех остальных без всякой помощи государства.

Поскольку людей, имеющих возможность свободно созидать и изобретать, становится все больше, упрощается доступ всех и каждого к новым идеям и технологиям, которые, в свою очередь, могут способствовать улучшению нашей жизни и развитию экономики наших стран. В свое время русский инженер Владимир Зворыкин изобрел кинескоп, а выгоду получили все страны с открытой экономикой, заимствовавшие эту технологию. Мобильный телефон был изобретен не в России, но ее жители сегодня уже не мыслят без него свою жизнь...

Произведенные за границей инновации и блага становятся угрозой лишь тогда, когда мы не готовы их принять и закрываем от них и сопутствующей им конкуренции границы

наших стран. Однако в этом случае весь остальной мир будет получать выгоду от новейших идей и возможностей, которыми обладают предприниматели, а мы не сможем ими воспользоваться. Перемены всегда даются нелегко, однако лучше быть в их фарватере, чем плестись в хвосте в числе отстающих и в конце концов получать доступ к инновациям самыми последними.

В действительности нам нечего опасаться глобализации, нас страшит лишь это понятие.

Лично для меня наиболее очевидным доказательством огромного потенциала глобализации послужило то, что настоящая книга была переведена на множество языков по всему миру. Однако она не имела бы по-настоящему глобального охвата без перевода на русский язык. Это имеет для меня особое значение. Я вырос в Швеции и всегда отдавал себе отчет в том, что совсем неподалеку, в СССР, люди лишены тех возможностей, которые есть у меня. Однако россияне сумели не только пережить семьдесят лет диктатуры, но до сих пор выдерживают последовавшие в постсоветский период хаос и всепоглощающую коррупцию. Теперь и для граждан России настал час взять судьбу в свои руки.

Стокгольм, март 2007 года

Предисловие

Свершилось чудо – наша анархистская партия победила на школьных выборах!

Итак: место действия – школа в одном из западных пригородов Стокгольма; время действия – осенний семестр 1988 года (нам тогда было по шестнадцать лет). Как обычно, когда в стране проходили всеобщие выборы, у нас в школе устраивали собственную «предвыборную кампанию» в миниатюре. Но мы с моим лучшим другом Маркусом не верили в существующую систему. Мажоритарные выборы, думали мы, напоминают голосование двух волков и ягненка относительно обеденного меню. Школа хотела, чтобы мы избрали тех, кто будет нами управлять, а мы хотели быть хозяевами собственной жизни.

Отчасти, наверно, это было связано с тем, что мы чувствовали свое отличие от других. Я увлекался электронной музыкой и «готикой», одеваться предпочитал в черное, а волосы зачесывал назад. Нас интересовали музыка и книги, а все вокруг словно помешались на модных аксессуарах. Правые казались нам представителями имущих классов, элиты, не терпящей никого, кто от них отличается. Но и левые не вызывали у нас энтузиазма: они символизировали унылую государственную бюрократию и засилье регламентации. Хоть мы и предпочитали слушать группу Sisters of Mercy и шведского панк-певца Тострема, нашим «символом веры» были слова из песни Джона Леннона «Imagine»: «Представь, что в мире нет границ». С отдельными государствами пора кончать, думали мы, люди должны иметь право свободно перемещаться по всей планете и сотрудничать друг с другом по собственной воле. Мы грезили о мире без «обязаловки», без правителей. Понятно, что мы тогда не принадлежали ни правым, ни левым, ни консерваторам, ни социал-демократам. Мы были анархистами!

Так мы основали «Анархистский фронт» и выставили свои кандидатуры на школьных выборах, придумав ироническую радикальную платформу. Мы развешивали в школьных коридорах самодельные плакаты с вопросами вроде: «Кто будет определять твою жизнь – ты сам или 349 парламентариев?» Мы требовали «упразднить» государство... и отменить запрет кататься на мотоциклах по школьному двору. Большинство учителей не поняли нашей затеи: они решили, что мы просто издеваемся над выборами, – мы же считали, что высказываем собственную позицию в лучших традициях демократии. И вызов в кабинет директора для «разбора полетов» лишь укрепил наш бунтарский дух.

Мы получили неплохой результат в конкурентной предвыборной гонке—25 % голосов. Социал-демократы заняли второе место, набрав 19 %. Мы были без ума от восторга, уверенные, что это лишь первый шаг к чему-то новому, важному...

С тех пор прошло пятнадцать лет. За это время мое мировоззрение во многом изменилось. Я понял, что взаимоотношения между индивидом и обществом, свободой и принуждением куда сложнее, чем нам тогда казалось, и эти проблемы нельзя решить одним радикально-утопическим шагом. Я осознал, что государство в какой-то форме все же необходимо – защищать свободу и не позволять тем, кто могущественнее или богаче, угнетать других. Теперь я убежден, что представительная демократия лучше любой другой политической системы позволяет решить именно эту задачу– защиты прав личности. И еще я понял, что благодаря современному индустриальному обществу, которое в юности навело на меня такую тоску, мы добились высочайшего уровня жизни и распространения демократии.

Но тяга к свободе у меня сегодня не меньше, чем тогда – во время той потрясающей «избирательной кампании» 1988 года. Я до сих пор мечтаю, чтобы люди были свободны, чтобы никто никого не угнетал, чтобы государства не имели права загонять людей за частоты границ и посредством запретительных тарифов мешать им сотрудничать друг с другом.

Именно поэтому мне так нравится явление, обозначаемое малосодержательным понятием «глобализация», – процесс все более беспрепятственного перемещения через государственные границы людей, информации, товаров, инвестиций, демократии и рыночной экономики. Благодаря этой «интернационализации» нас все меньше сковывают искусственные рубежи, изрезавшие политическую карту мира.

Политическая власть всегда была порождением географии, в ее основе – контроль над определенной территорией. Глобализация позволяет нам все свободнее преодолевать эти территориальные рамки, путешествуя, торгуя или вкладывая капиталы по всему миру. Благодаря снижению транспортных расходов, изобретению новых, более эффективных средств связи, либерализации торговли и движения капиталов пространство нашего выбора кардинально расширилось и появилось множество новых, немыслимых ранее возможностей.

Нам уже не обязательно покупать товары у местной компании-монополиста – ее иностранные конкуренты к нашим услугам. Мы не обязаны трудиться у единственного работодателя в родной деревне: можно поискать другие варианты. Прошло время, когда мы довольствовались культурными достижениями только собственной страны, – перед нами открыта вся сокровищница мировой культуры. Мы больше не обречены всю жизнь провести в том месте, где родились: теперь можно свободно путешествовать по миру и переезжать туда, куда захотим.

Все эти новые реалии «освобождают» и само наше мышление. Мы больше не настроены подчиняться привычному укладу жизни: мы хотим сами делать выбор – энергично и свободно. Фирмам, политикам, организациям теперь приходится приложить немало усилий, чтобы добиться интереса или поддержки со стороны людей, перед которыми открылся целый мир новых возможностей. Мы все больше обретаем способность самостоятельно определять свою жизнь, а вместе с этим растет и наше благосостояние.

Потому мне кажется печальным недоразумением тот факт, что люди, называющие себя анархистами, выступают против глобализации, а не в ее защиту! В июне 2001 года я побывал в Гётеборге, где в это время проходил важный саммит Евросоюза. Я приехал туда, чтобы объяснить: проблема ЕС заключается в том, что эта структура часто препятствует глобализации и либерализации, а также изложить свою идею о необходимости упразднения границ и государственного регулирования.

Произнести свою речь мне так и не удалось. Место, где проходил митинг, на котором я должен был выступать, вдруг превратилось в настоящее поле боя – так называемые анархо-антиглобалисты принялись громить магазины и швырять камнями в полицейских, пытавшихся защитить нас – людей, реализующих свое право на свободу собраний. Эти «анархисты» требовали введения запретов и регулирования, бросали камни в людей, исповедующих иные ценности, и настаивали, чтобы государство вновь взяло власть над людьми, которые освободились от оков национальных границ. Они издевались над самой идеей свободы. Во времена нашего веселого «Анархистского фронта» у нас бы язык не повернулся назвать этих людей анархистами. В нашем «черно-белом» подростковом сознании для них нашлось бы единственное определение – фашисты.

Но подобные проявления насилия – лишь один из элементов масштабного движения, критически относящегося к усилению глобализации. В последние годы все больше людей утверждают, что вновь обретенная свобода и интернационализм зашли слишком далеко и порождают «гиперкапитализм». Участники движения протеста против этого «глобального капитализма» могут называть себя радикалами, говорить, что выступают за новые перспективные идеи: их аргументы – лишь очередной вариант все того же противодействия свободе рынков и торговли, традиционно характерного для государственных властей. Многие – авторитарные режимы в странах третьего мира и «еврократы», аграрные движения и корпорации-монополисты, интеллектуалы-консерваторы и «новые левые» – боятся, что в результате

глобализации люди отберут часть власти у политических институтов. Всех их объединяет представление о глобализации как о некоем чудовище, вырвавшемся из-под контроля, которое надо срочно изловить и посадить на цепь.

Зачастую критики глобализации стараются изобразить ее как гигантское и угрожающее явление, причем никаких обоснованных аргументов в защиту этого тезиса не приводится. Говорится, к примеру, о том, что более полусотни гигантских корпораций по масштабам экономической деятельности сравнимы с крупными государствами, или о том, что на мировом финансовом рынке ежедневно обращается до 1,5 триллиона долларов, как будто в самом масштабе происходящего заключено нечто опасное и пугающее. Однако все это лишь арифметика, никак не проясняющая суть дела. Надо еще доказать, что большой бизнес или масштаб денежного оборота сами по себе является чем-то негативным, но подобными доказательствами критики глобализации не часто себя утруждают. В данной книге я попытаюсь обосновать противоположную точку зрения: пока у нас есть возможность свободного выбора, нет ничего плохого в том, что некоторые формы добровольного сотрудничества благодаря своей эффективности развиваются успешно и масштабно.

Впечатляющие цифры вроде вышеприведенных, да и само понятие «глобализация», появившееся еще в начале 1960-х годов, но получившее широкое распространение лишь в 1980-х, создают образ некоей анонимной, загадочной, тайной силы. Поскольку процесс глобализации определяется действиями отдельных людей во всех уголках земного шара, он кажется хаотичным и безудержным. Сетую на отсутствие «действенных сил, способных противостоять анархическим силам глобальной экономики, обуздать их и придать им цивилизованный характер», политолог-теоретик Бенджамин Барбер выразил настроение множества своих единомышленников-интеллектуалов¹.

Многие ощущают свое бессилие перед лицом глобализации, и такое чувство можно понять, если учесть, до какой степени этот процесс определяется «децентрализованными» действиями миллионов людей. Когда другие самостоятельно определяют свою жизнь, мы не имеем власти над ними, но взамен обретаем власть над собственной жизнью. И это только к лучшему: никто не занимает места кормчего, потому что у руля стоим мы все.

Интернет бы зачах, если бы мы каждый день не обменивались посланиями, не заказывали книги, не скачивали музыку через эту глобальную компьютерную сеть. Ни одна компания не импортировала бы товары, если бы их не покупали, и никто не стал бы вкладывать капиталы в других странах, если бы там не было предпринимателей, желающих развивать свой бизнес или основать новый, чтобы удовлетворить потребительский спрос. Глобализация – это совокупность поступков, которые мы совершаем каждый день. Мы едим эквадорские бананы, пьем французское вино, смотрим американские фильмы, заказываем книги в Англии, работаем в компаниях, торгующих с Германией или Россией, проводим отпуск в Таиланде и вносим деньги на счета в пенсионных фондах, которые вкладывают их в Латинской Америке и Азии. Потоки капитала проходят через финансовые корпорации, а товары за рубежом закупают торговые фирмы, но все это делается только потому, что так хотим мы. Процесс глобализации идет «снизу», а политики просто пытаются за ним угнаться и выдумывают аббревиатуры вроде ЕС, МВФ, ООН, ВТО, ЮНКТАД или ОЭСР, надеясь ввести его в некое «русло».

Конечно, идти в ногу со временем – дело непростое, особенно для интеллектуальной элиты, привыкшей считать, что все и всегда у нее под контролем. В своей книге о шведском поэте и историке Эрике Густафе Ейере, жившем в XIX веке, Андерс Энмарк чуть ли не с завистью пишет о том, что Ейер был в курсе всех важных мировых событий, не покидая родной Упсалы, – он просто регулярно читал *Edinburgh Review* и *Quarterly Review*². Таким вот простым и понятным был мир, когда ход событий на международной арене определяла крайне немногочисленная элита в европейских столицах. Но каким же сложным и непонят-

ным он становится сегодня, когда «пробуждаются» другие континенты и на мировое развитие начинают влиять решения, принимаемые повседневно миллионами простых людей. Неудивительно, что люди, обладающие властью – политики и высокопоставленные чиновники, – заявляют: из-за глобализации «мы» (то есть они) утрачиваем контроль над событиями. Да, *они* его частично теряют – потому что контроль переходит к *нам*, обычным гражданам.

Конечно, это не означает, что все мы поголовно войдем в состав мировой элиты, но для участия в процессе глобализации этого и не требуется. Особенное благо она принесет бедным и обездоленным: их материальное положение намного улучшится, когда приток недорогих товаров из-за рубежа больше не будет сдерживаться тарифными барьерами, а иностранные инвестиции приведут к созданию новых рабочих мест и оптимизации производства. Люди, которые по-прежнему живут там, где родились, чрезвычайно выиграют от беспрепятственного движения информационных потоков через государственные границы и возможности свободно выбирать своих политических представителей. Но для этого надо идти вперед по пути демократических реформ и либерализации экономики.

Требование большей свободы выбора может показаться банальным, но на самом деле это не так. Тем из нас, кто живет в богатых странах, новые глобальные возможности могут показаться ненужной роскошью или даже вызвать раздражение. Что ни говори о качестве кофе в кофейнях Starbucks или безвкусных американских реалити-шоу, невыносимыми их не назовешь – по крайней мере, Starbucks. А вот существование, от которого глобализация может избавить жителей стран третьего мира, поистине невыносимо. Бедняки там живут в крайней нищете, грязи, невежестве, бесправии, они не знают, смогут ли завтра поесть досыта, они вынуждены за несколько миль носить воду, которая к тому же далеко не всегда пригодна для питья.

Когда глобализация постучалась в дверь Бхаганта, пожилого батрака из касты неприкасаемых, живущего в индийской деревне Сайджани, она принесла ему и его односельчанам дома из кирпича вместо глинобитных хижин. В деревне появилась канализация, и вместо тяжелого запаха нечистот воздух теперь наполнен ароматом возделанной земли, жители больше не ходят босиком; они носят чистую одежду вместо лохмотьев. Тридцать лет назад Бхагант не знал даже названия страны, в которой живет. Сегодня он смотрит международные новости по телевизору³.

Новообретенная свобода выбора означает, что люди уже не обречены батрачить у богатых и влиятельных крестьян – единственных работодателей в деревне. Женщины, получив работу в городах, приобретают больший вес и в семье. Формирование новых рынков капитала означает, что детям Бхаганта, если им надо занять денег, больше не придется идти к местным ростовщикам, которые заставляют отрабатывать долги. Иго ростовщиков, некогда державших в руках всю деревню, свергнуто: теперь люди могут обращаться за кредитом в различные банки по своему выбору.

Поколение, к которому относится сам Бхагант, сплошь неграмотно, из его детей и их сверстников мало кто посещал школу, теперь же его внуки и дети их возраста учатся *все без исключения*. По мнению Бхаганта, положение явно изменилось к лучшему. Сегодня у людей больше свободы, они стали богаче. Вот только дети отбиваются от рук. В его времена они были послушными и помогали по дому, а теперь стали чересчур самостоятельными, сами зарабатывают себе на жизнь. Подобные вещи, конечно, вызывают раздражение, но разве это можно сравнить с тем, что было раньше, когда дети зачастую не доживали до совершеннолетия или семьям приходилось продавать их в рабство ростовщикам-лихоимцам.

От позиции, которую вы, я и другие жители богатых стран мира займем по отношению к актуальнейшей проблеме глобализации, будет зависеть ответ на вопрос – получат ли мно-

гие другие люди доступ к благам развития, которое уже преобразило деревню, где живет Бхагант, или этот процесс обернется вспять.

Критики глобализации часто рисуют зловещую картину заговора хищников-неолибералов¹, стремящихся обеспечить мировое господство капитализма. Так, политолог Джон Грей описывает распространение рыночной экономической политики в буквальном смысле как некий «государственный переворот», организованный сторонниками «радикальной» идеологии, «просочившимися» во властные структуры. «Цель этой революции», по словам Грея, состоит в «полной и окончательной изоляции неолиберального экономического курса от демократического контроля в политической жизни»⁴. Некоторые ученые мужи, в том числе редактор журнала *American Prospect* Роберт Каттнер и экономист Джозеф Стиглиц, даже называют сторонников свободного рынка адептами некоего квазирелигиозного культа, который они определяют как «рыночный фундаментализм».

Однако дерегулирование, приватизация и свобода торговли – не изобретение ультралиберальных идеологов. Конечно, идеями экономического либерализма вдохновлялись некоторые политические лидеры – например, Рейган или Тэтчер. Однако самые радикальные реформы в этом направлении осуществляли коммунисты в Китае и СССР, сторонники протекционизма в Латинской Америке и националисты в Азии. Многие европейские страны вышли на этот путь по инициативе социал-демократов. Одним словом, утверждения о «заговоре» ультралибералов, проводящих свою «революцию» методами шоковой терапии, не соответствуют действительности. Напротив, инициаторами либерализации экономики выступают прагматичные, нередко антилиберальные политики, осознавшие, что их правительства слишком далеко зашли в стремлении контролировать все и вся. Что же касается тезиса о «мировой гегемонии» либерального капитализма, то для его опровержения достаточно привести один факт: никогда еще в истории государственный сектор не был так велик, а налоги – так высоки, как в сегодняшнем мире. Меры по либерализации экономики позволили ликвидировать некоторые из централизаторских перекосов, доставшихся нам в наследство от прошлого, но они ни в коей мере не означают введения системы *laissez faire*. А поскольку, частично отказываясь от этатизма, власти сами определяли условия и темпы этого «отступления», вопрос логично поставить по-другому: может быть, либерализация зашла не слишком далеко, а недостаточно далеко?

Когда я говорю, что хочу выступить в защиту капитализма, я стремлюсь защитить свободу действовать методом проб и ошибок, не спрашивая разрешения у правителей или чиновников. Это та самая свобода, которую я когда-то связывал с анархизмом, только введенная в рамки закона, гарантирующего, что свобода одного не ущемит свободу других. Я хочу, чтобы у каждого была в изобилии такая свобода. Если критики капитализма считают, что этой свободы у нас сегодня в избытке, то, по моему мнению, ее должно быть еще больше – в перепереизбытке, – особенно у всех бедняков мира, которые при нынешнем положении дел не имеют решающего голоса в вопросах, связанных с их собственной работой и потреблением. Потому я без колебаний назвал эту книгу «В защиту глобального капитализма», пусть даже капитализм, которому она посвящается, – это скорее потенциальное будущее, а не реальность сегодняшнего дня.

Капитализм, о котором идет речь, представляет собой не только владение капиталом и возможности для вложения своих средств. Все это может существовать и в рамках команд-

¹ Я использую понятие «либерал» в европейском истолковании – как относящееся к носителям либеральных традиций XIX века, выступающим за свободу торговли, рыночную экономику и гражданские права, – а не в том смысле, который в него обычно вкладывают в Америке, где либерал – это человек, исповедующий левоцентристские политические взгляды. В американском политическом спектре к традиционным либералам наиболее близки «либертарианцы».

ной экономики. Я говорю о либеральной рыночной экономике, где царит свободная конкуренция, основанная на праве каждого пользоваться своей собственностью и личной свободой для проведения переговоров, заключения сделок и образования новых предприятий. Иными словами, я защищаю экономическую свободу личности. Капиталисты опасны в том случае, когда они, вместо того чтобы стремиться к получению прибыли в условиях честной конкуренции, объединяются с государством. Если в стране существует диктаторский режим, частные корпорации нередко становятся соучастниками нарушения прав человека: пример тому – действия ряда западных нефтяных компаний в африканских странах⁵. Точно также нельзя назвать *настоящими* капиталистами тех бизнесменов, что рыщут по коридорам власти, добиваясь для себя льгот и привилегий. Напротив, они представляют собой угрозу для свободного рынка, а потому их поведение заслуживает всяческой критики и противодействия. Часто бизнесменам нравится играть в политику, а политикам – в бизнес. Когда такое происходит, мы имеем дело не с рыночной, а со смешанной экономикой, где предприниматели и политики играют не те роли, что им отведены. Капитализм является свободным, когда политики проводят либеральный курс, а предприниматели занимаются своим прямым делом – бизнесом.

Я верю, в первую очередь, не в капитализм или глобализацию. Материальные блага, инновации, общность между людьми, сокровища культуры – все это создают не административные системы или нормативные акты, а люди. Поэтому я верю в способность человека к великим свершениям, я верю в коллективную силу людей, возникающую в результате нашего взаимодействия и сотрудничества. Я выступаю за расширение свободы и открытости не потому, что считаю какую-то конкретную систему более эффективной, чем другая, а потому, что свобода и открытость создают предпосылки для развития творческой активности, и в этом с ними не сравнится ни одна система. Они становятся движущей силой гуманитарного, экономического и научно-технического прогресса. Вера в капитализм не равносильна вере в рост, экономику, эффективность. Все это пусть позитивные, но всего лишь результаты деятельности людей. По сути, вера в капитализм – это вера в человечество и его успех.

Подобно большинству других либералов, я могу подписаться под словами французского премьера-социалиста Лионеля Жоспена о том, что нам нужна «рыночная экономика, но не рыночное общество». Я не хочу, чтобы экономические сделки заменили все другие отношения между людьми. Я за то, чтобы человеческие отношения были свободными и добровольными – во всех областях. В сфере культуры это означает свободу самовыражения и печати. В политике – демократию и верховенство закона. В обществе – право каждого жить в соответствии с собственными ценностями и самому выбирать круг общения. В экономике же это означает капитализм и свободный рынок.

Я не хочу, чтобы мы клеили ценники на все, что нас окружает. Важнейшие вещи в жизни – любовь, семью, дружбу, собственный неповторимый образ жизни – не измерить в долларах. Те, кто считает, что, по мнению либералов, все действия людей определяются стремлением увеличить свои доходы, ничего не знают о либералах, а те либералы, кто действительно так думает, ничего не знают о человеческой природе. Я пишу книгу о значении глобализации, а не работаю, скажем, бухгалтером или рыбаком вовсе не из желания получить больше денег. Я пишу о том, во что я верю и считаю важным. И я хочу жить в либеральном обществе потому, что оно дает людям право самим определять, что для них важно.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить друзей, помогавших мне правильно выстроить свои мысли по этим вопросам, – помогавших по той простой причине, что их это тоже волнует, – в особенности Фредрика Эриксона, Софию Нербранд и Маурисио Рохаса. Отдельное спасибо Барбро Бенгтсон, Шарлотте Хагблад и Кристине фон Унге за то, что они так умело привели мою рукопись в надлежащий вид.

Стокгольм, январь 2003 года

Глава 1

С каждым днем жизнь становится лучше...

Полуправда

Люди издревле считали, что дела идут все хуже и хуже, и сетовали о «старых добрых временах» – еще в 1014 году епископ Йоркский Вульфстан объявил в одной из проповедей: «Мир охвачен лихорадкой и близится к своему концу». В нынешних дискуссиях вокруг глобализации за отправную точку часто берется именно эта мысль – мир катится в тартарары. Несколько лет назад папа Иоанн Павел II, словно переключаясь с собратом по клиру через пропасть почти в десять столетий, подытожил развитие событий в мире таким образом: «Во многих регионах происходит возрождение некоего капиталистического неолиберализма, который подчиняет человеческую личность слепым рыночным силам и обусловливает развитие народов действием этих сил... Таким образом, мы видим, что в рамках международного сообщества горстка стран несоразмерно богатеет за счет растущего обнищания множества других стран: в результате богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее»¹.

Говорят, что несправедливости в мире становится все больше. Критики рыночной экономики, словно греческий хор, скандируют: «Богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее». Причем это преподносится как некая аксиома, а не тезис, который необходимо обосновать. Но стоит отвлечься от хлестких лозунгов и посмотреть, что на самом деле происходит в мире, как выяснится: это утверждение – лишь полуправда. Первая его часть соответствует действительности: богатые и правда становятся еще богаче – не все до одного, конечно, но в целом это так. Те, кому посчастливилось жить в развитых странах, за последние десятилетия действительно стали заметно богаче. То же самое можно сказать и о богатых людях в третьем мире. Но вторая часть утверждения критиков ошибочна. Бедные – опять же в общем и целом – не стали за последние десятилетия беднее. Напротив, число людей, живущих в абсолютной нищете, сократилось, а там, где их было больше всего, – в Азии – беднякам, которые еще двадцать лет назад с трудом сводили концы с концами, сегодня гарантировано приличное существование и даже некий скромный достаток. Невзгоды людей в мировом масштабе уже не столь остры, и самые вопиющие проявления несправедливости начали смягчаться. Чтобы опровергнуть широко распространенные, но неверные представления о сути происходящего в современном мире, в этой вводной главе пришлось поместить немалое количество цифр и графиков².

Среди книг, опубликованных в последние годы, одна из самых интересных называется «По азиатскому времени: Индия, Китай и Япония в 1966–1999 годах». Она представляет собой своеобразный путевой дневник, в котором шведский писатель Лассе Берг и фотограф Стиг Карлссон рассказывают о недавней поездке по тем же азиатским странам, которые посетили еще в 1960-х годах³. Тогда, более тридцати лет назад, они видели вокруг нищету, страдания и унижения; казалось, эти государства движутся к неминуемой катастрофе. Как и многие другие иностранцы, побывавшие в этих странах, Берг и Карлссон смотрели на их будущее без оптимизма; единственным выходом им тогда представлялась социалистическая революция. Однако, вернувшись в Индию и Китай в 1990-х, они осознали свою ошибку. Все больше жителей этих стран преодолевают нищету, проблема голода уже не стоит так остро,

даже улицы стали чище. На месте глинобитных хижин появились кирпичные дома с электроснабжением и телевизионными антеннами на крыше.

Когда Берг и Карлссон в первый раз побывали в Калькутте, 10 % жителей этого города не имели крыши над головой, и каждое утро грузовики, нанятые властями или благотворительными организациями, колесили по улицам, собирая трупы тех, кто не пережил прошедшую ночь. Через тридцать лет, когда авторы книги решили сфотографировать бездомных, найти хотя бы одного оказалось непросто. С городских улиц исчезают рикши – люди теперь ездят на машинах, мотоциклах или в метро.

Берг и Карлссон показывали молодым индусам фотографии, сделанные тридцать лет назад, но те просто не верили, что их город мог когда-то выглядеть так. Неужели все действительно было настолько ужасно? Одно из потрясающих свидетельств о происшедших переменах – две фотографии, помещенные в книге рядом. На снимке, сделанном в 1976 году, двенадцатилетняя девочка по имени Сатто показывает фотографу свои руки, уже огрубевшие и покрытые мозолями от тяжелого труда. На втором, недавнем снимке в той же позе изображена дочь Сатто – тринадцатилетняя Сима. У нее гладкие, мягкие руки – такие же, как у любой девочки, которую не лишили нормального детства.

Но больше всего изменились образ мысли и мечты людей. Телевидение и пресса несут им идеи и образы со всех концов света, расширяя представления о границах возможного. Почему человек должен всю жизнь сидеть на одном месте? Почему женщина обязана уже в юном возрасте рожать детей, принося в жертву свою карьеру? Почему браки заключаются по соглашению между родителями (и боже упаси взять жену или мужа из касты неприкасаемых) – ведь в других странах люди строят семейную жизнь по собственной воле? Почему мы должны мириться именно с этой формой правления – в мире существует много других вариантов политического устройства!

Лассе Берг самокритично замечает:

Сегодня, читая прогнозы, сделанные наблюдателями – иностранцами или самими индийцами в шестидесятых и семидесятых годах, понимаешь, что ни один из них не оправдался. Сколько было мрачных сценариев – говорили о перенаселенности, социальной нестабильности и потрясениях или экономической стагнации, – но никто не смог предугадать этого спокойного и неуклонного продвижения вперед, а тем более такой «модернизации» в умах. Кто мог предвидеть, что культура потребления так глубоко проникнет даже в сельскую глубинку? Кто прогнозировал столь успешное развитие экономики и общий рост жизненного уровня? Оглядываясь назад, можно сказать, что у всех этих сценариев была одна общая черта: раздувание всего необычайного, пугающего, непредсказуемого (тут у каждого автора был свой «конек») и недооценка мощной тяги людей к «нормальной» жизни⁴.

Все то, о чем пишет Лассе Берг, оказалось возможным без социалистической революции – нынешние достижения стали результатом нескольких десятилетий последовательного укрепления индивидуальной свободы. Расширились свобода выбора и масштабы международных связей и обменов, инвестиции и международная помощь, направляемая на цели развития, принесли с собой не только финансовые ресурсы, но и новые идеи, что позволило развивающимся странам воспользоваться знаниями, богатствами и техническими достижениями других стран. Условия жизни людей улучшились за счет импортных лекарств и модернизации системы здравоохранения. Современные технологии и новые методы организации производства позволили увеличить выпуск продукции, в том числе в пищевой промышленности, и проблема голода была решена. Граждане становились все более свобод-

ными в выборе профессии и торговле продуктами своего труда. Из статистических данных видно, насколько это способствует благосостоянию страны в целом и сокращению бедности. Однако важнее всего – сама свобода, независимость и чувство собственного достоинства, которые дает людям, прежде подвергавшимся угнетению, возможность самостоятельно принимать решения.

По мере распространения гуманистических идей рабство, еще несколько столетий назад распространенное по всему миру, изгонялось с одного континента за другим. Нелегально оно, правда, существует и сегодня, но с момента освобождения последних рабов в странах Аравийского полуострова в 1970 году эта система запрещена законом практически во всех странах мира. На смену принудительному труду, характерному для докапиталистических форм организации экономики, быстро приходит свободное заключение трудовых соглашений и свободное перемещение трудовых ресурсов в те сектора рынка, где на них возникает спрос.

Преодоление бедности

По сравнению с 1965 годом среднестатистический доход на душу населения в мире к 1998 году удвоился. Это произошло не за счет многократного роста доходов жителей развитых стран: за тот же период средние доходы самых состоятельных 20 % населения планеты увеличились на 75 %. Значительно больше – в два с лишним раза – выросли доходы беднейших 20 % жителей Земли. В странах Запада благосостояние повысилось на 40 %, в Латинской Америке – на 60 %, в Африке – на 80 %, а в Азии, самом густонаселенном континенте, – на 300 %⁵.

Благодаря улучшению материального благосостояния людей за последние полвека сегодня более 3 миллиардов жителей планеты преодолели черту бедности. Это беспрецедентный результат во всей мировой истории. Специалисты из Программы развития ООН (ПРООН) отмечают, что за последние пятьдесят лет масштабы бедности сократились больше, чем за предыдущие пятьсот. В подготовленном этой организацией «Докладе о человеческом развитии за 1997 год» утверждается, что сегодня человечество переживает «второй великий подъем» (первый начался в XIX веке, когда США и Европа провели индустриализацию и уровень жизни стал расти ускоренными темпами). Нынешний подъем начался после Второй мировой войны, и сегодня этот процесс в самом разгаре – азиатские страны, а за ними и весь третий мир одерживают все больше побед в борьбе с бедностью, голодом, болезнями и неграмотностью.

Огромные успехи в сокращении масштабов бедности, достигнутые в XX веке, показывают, что возможность полного искоренения крайней нищеты в течение первых десятилетий XXI века вполне реальна⁶.

Масштабы бедности сокращаются быстрыми темпами. Под «абсолютной нищетой» обычно понимают доход меньше доллара в день на человека. В 1820 году – в пересчете на тогдашние курсы – таким был доход 85 % населения планеты. К 1950 году эта цифра сократилась до 50 %, а к началу 1980-х – до 33 %. Сегодня, по данным Всемирного банка, доля населения, живущего в абсолютной нищете, в развивающихся странах сократилась почти в два раза – с 40 до 21 %.

Это означает, что по всему миру за 1981–2001 годы данный показатель снизился с 33 до 18 %. При этом достижения последних двадцати лет беспрецедентны не только с точки зрения процентных показателей, но и в абсолютных цифрах: впервые в истории сократилось общее число людей, живущих в крайней нищете, – их стало меньше почти на 400 миллионов, в то время как численность населения Земли за тот же период увеличилась на 1,5

миллиарда. Причиной такого результата стал экономический рост. В странах и регионах, где благосостояние увеличивалось быстрее всего, – Восточной Азии, Китае, Индии, мы видим самые лучшие результаты в борьбе с бедностью. Так, в Восточной Азии за последние два десятилетия доля населения, живущего в абсолютной нищете, сократилась с 58 до 16 %, а в Южной Азии – с 52 до 31 %⁷.

Впрочем, даже эти обнадеживающие цифры почти наверняка не полностью передают подлинный масштаб сокращения бедности: известно, что методика статистических исследований, на которых основаны оценки Всемирного банка, весьма ненадежна. Сурджит С. Бхалла, прежде работавший в Банке экономистом, недавно опубликовал собственные расчеты, дополнив результаты этих исследований данными национальных статистических органов. Он убедительно доказывает, что такая методика позволяет получить более точные оценки. Согласно исследованию Бхаллы, масштабы бедности в мире сократились еще больше – с 44 % в 1980 году до 13 % на конец 2002 года. Если его расчеты верны, получается, что за последние двадцать лет темпы преодоления бедности были просто невероятными, беспрецедентными – они вдвое превышали показатели за любой другой двадцатилетний период, по которому имеется такая статистика. В этом случае поставленная ООН задача сократить долю бедных людей во всем мире до 15 % к 2015 году уже выполнена и перевыполнена⁸.

Конечно, у скептиков в этой связи может возникнуть вопрос: «А нужны ли жителям развивающихся стран экономический рост и общество потребления? Можно ли навязывать им наш образ жизни?» На это я бы ответил так: навязывать любой образ жизни нельзя никому. Однако большинство людей в мире, какие бы ценности они ни исповедовали, хотят, чтобы их материальное благосостояние росло – по той простой причине, что это дает им больше возможностей по собственному усмотрению распорядиться новообретенным богатством.

Лауреат Нобелевской премии индийский экономист Амартия Сен в своих трудах подчеркивает, что бедность – проблема не только материальная. Она влечет за собой еще и бесправие, недоступность элементарных возможностей для развития и свободы выбора. Весьма часто низкий доход – симптом этих явлений, результат того, что людей вытесняют на обочину общества, подвергают угнетению. Развитие человека предусматривает право на определенный уровень здоровья и безопасности, достойное качество жизни и возможность свободно определять собственную судьбу. Изучение материальных аспектов развития важно как для того, чтобы выявить способы приумножения богатства в обществе, так и потому, что материальные факторы способствуют развитию в вышеуказанном, широком смысле. Материальные ресурсы индивида и общества позволяют человеку обеспечить себе пропитание, образование, получать медицинскую помощь и не хоронить своих детей, не доживших до совершеннолетия. Когда у людей появляется возможность самостоятельного выбора, выясняется, что именно такие желания свойственны практически всем жителям планеты.

Улучшение условий жизни людей по всему миру проявляется и в резком увеличении средней ожидаемой продолжительности жизни. В начале XX века в нынешних развивающихся странах этот показатель не достигал и тридцати лет; к 1960 году вырос до 46 лет, а в 1998-м составил 65 лет.

Рисунок 1. Рост средней ожидаемой продолжительности жизни

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

Сегодня в развивающихся странах люди в среднем живут на 15 лет дольше, чем жили столетие назад граждане *наиболее развитой* в экономическом отношении державы тогдашнего мира – Британии. Наименьшие темпы развития наблюдаются в Тропической Африке, а в последние годы разразившаяся там эпидемия СПИДа сводит на нет даже то небольшое, чего этим странам удалось достичь. С 1960 года средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе увеличилась всего на пять лет (с 41 до 46). Наибольшая средняя ожидаемая продолжительность жизни по-прежнему наблюдается в самых богатых странах – в государствах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) этот показатель составляет 78 лет. Однако *по темпам роста* лидируют именно бедные страны. В 1960 году средняя ожидаемая продолжительность жизни в развивающихся странах была на 40 % меньше аналогичной цифры для развитых государств. Сейчас разница составляет лишь 20 %. Сегодня 90 % жителей планеты могут надеяться на то, что проживут больше 60 лет, – то есть в два с лишним раза дольше, чем их предки сто лет назад.

В книге «По азиатскому времени...» Берг описывает, как, приехав в Малайзию после тридцатилетнего перерыва, вдруг понял, что за время его отсутствия средняя ожидаемая продолжительность жизни в этой стране возросла на 15 лет. Таким образом, все эти годы на каждый день рождения малайзийцы получали в подарок шестимесячную «отсрочку» собственной смерти⁹.

Улучшение состояния здоровья людей связано не только с повышением качества питания и улучшением условий жизни, но и с совершенствованием системы здравоохранения. Двадцать лет назад в мире на тысячу человек приходился в среднем один врач, сегодня — 1,5. В беднейших странах данный показатель на 1980 год составлял 0,6, сегодня число врачей в этих странах почти удвоилось – до 1 на тысячу жителей. Вероятно, самой показательной характеристикой условий жизни бедных людей является уровень младенческой смертности, и в этом отношении ситуация в развивающихся странах радикально улучшилась. Если в 1950 году там умирало 18 % новорожденных – почти пятая часть, – то к 1975 году этот показатель снизился до 11 %, а к 1995-му – до 6 %. Только за последние тридцать лет младенческая смертность сократилась почти вдвое – со 107 на тысячу зарегистрированных новорожденных в 1970 году до 59 в 1998-м.

Рисунок 2. Снижение уровня младенческой смертности

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

Таким образом, все больше детей в бедных семьях получают шанс выжить. Поскольку доля бедных в населении планеты постоянно уменьшается, можно предположить, что масштабы бедности в мире сокращаются еще значительно, чем следует из приведенных статистических данных.

Проблема голода

Увеличение продолжительности жизни и улучшение здоровья населения планеты непосредственно связаны со снижением угрозы со стороны одного из самых жестоких проявлений слабого экономического развития – голода. С 1960-х годов количество потребляемых калорий на душу населения в третьем мире выросло на 30 %. Поданным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в 1970 году 960 миллионов жителей развивающихся стран недоедали. К 1991 году этот показатель снизился до 830 миллионов, а в 2001-м составил уже менее 800 миллионов. Если учесть рост численности населения, то можно говорить о резком улучшении ситуации. Тридцать лет назад от хронического недоедания страдали почти 37 % жителей развивающихся стран, сегодня – 17 %. Большая цифра? Да. Слишком большая? Несомненно. Но число голодающих быстро уменьшается. Швеции в начале XX века понадобилось двадцать лет, чтобы окончательно избавиться от проблемы хронического недоедания.

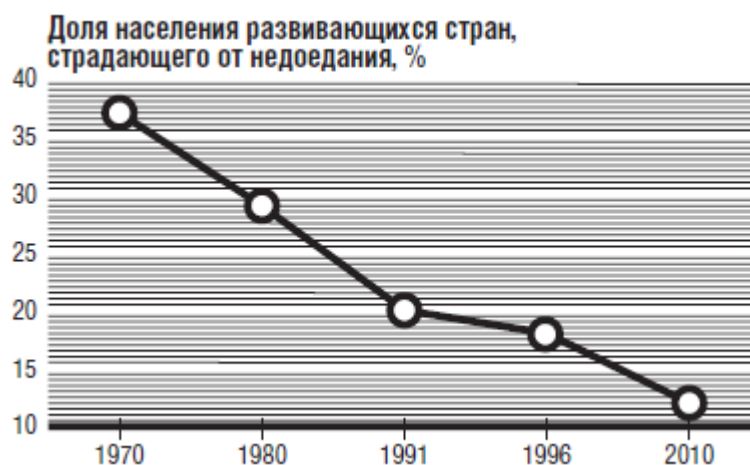
В мире же за последние тридцать лет число людей, страдающих от голода, снизилось вдвое; как ожидается, эта динамика сохранится и к 2015 году соответствующая цифра составит всего 10 %. Численность населения планеты достигла беспрецедентной величины, но никогда в истории люди не были так хорошо обеспечены продуктами питания. В 1990-х годах число голодающих уменьшалось в среднем на 3 миллиона в год при общем росте населения земного шара за это десятилетие на 800 миллионов человек.

Наиболее динамичные перемены происходили в Восточной и Юго-Восточной Азии: там доля голодающих за период с 1970 года сократилась с 43 до 10 %. В Латинской Америке этот показатель снизился с 19 до 11 %, в Северной Африке и на Ближнем Востоке – с 24 до 11 %, в Южной Азии – с 37 до 24 %. Наихудшая ситуация сложилась в Тропической Африке, где число людей, страдающих от голода, увеличилось – с 92 миллионов до почти 200

миллионов. Но даже в этом регионе их доля по отношению к общей численности населения немного, но снизилась – с 35 до 33 %¹⁰.

За последние полвека объем производства продуктов питания в мире удвоился, а в развивающихся странах – утроился. Потребление продуктов питания на душу населения с 1961 по 1999 год повысилось на 24 % – с 2257 до 2808 калорий в день. Самый быстрый рост наблюдался в развивающихся странах, где потребление увеличилось на 39 % – с 1932 до 2684 калорий¹¹.

Рисунок 3. Снижение масштабов проблемы голода в мире

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of Food and Agriculture. Document C99/2 to FAO Conference. 30th Session. Rome, 1998, November 12–13.

Подобный результат лишь в очень незначительной степени связан с освоением новых земель. Главная причина – более эффективное использование имеющихся сельскохозяйственных площадей. Отдача с одного гектара возделываемой земли фактически удвоилась. Цены на пшеницу, кукурузу и рис снизились более чем на 60 %. За период с начала 1980-х годов цены на продовольствие упали вдвое, а урожайность на единицу пахотных площадей повысилась на 25 % – причем в бедных странах эти процессы проходили быстрее, чем в богатых.

Таков триумфальный результат «зеленой революции». Были созданы более урожайные и более устойчивые сельскохозяйственные культуры, а методы сева, ирригации, удобрения почв и сбора урожая постоянно совершенствовались. Сегодня 75 % урожая пшеницы, собираемого в развивающихся странах, приходится на новые, более эффективные сорта; по оценкам, именно за счет этого фермеры получили дополнительный доход в 5 миллиардов долларов. В южной Индии благодаря «зеленой революции» реальные заработки фермеров за двадцать лет, по оценкам, выросли на 95 %, а безземельных крестьян-батраков – на 125 %. В наименьшей степени результаты «зеленой революции» ощущаются в Тропической Африке, но даже там сбор маиса с гектара увеличился на 10⁰%. Как считают эксперты, в отсутствие этой революции цены на пшеницу и рис были бы выше нынешних почти на 40 %, а число детей в мире, страдающих от хронического недоедания, – больше на 2 %. Сегодня продовольственная проблема никак не связана с перенаселенностью планеты. Причиной голода в наши дни становится отсутствие доступа к имеющимся знаниям и технологиям, недостаток финансов и стабильности в обществе. По мнению многих ученых, внедрение современных

методов земледелия во всех странах мира позволило бы кормить все население Земли даже при большей на миллиард численности¹².

Частота вспышек массового, катастрофического голода также уменьшилась, в основном благодаря распространению демократии. Массовая гибель людей от голода имела место в странах с самыми разнообразными формами правления – в коммунистических государствах, колониальных империях, при технократических диктаторских режимах и в обществах с племенной организацией. Однако во всех случаях речь шла о централизованных авторитарных государствах, где подавлялась свобода дискуссий и рыночных отношений. Как отмечает Амартия Сен, ни в одной демократической стране катастрофического голода ни разу не было. Даже бедные демократические государства, например, Индия или Ботсвана, избежали подобного явления, хотя и имели меньше продовольственных ресурсов, чем многие из стран, переживавших голод. И напротив, в коммунистических странах – Китае, СССР, Камбодже, Эфиопии и Северной Корее, – а также колониях (например, в Индии во времена британского владычества) такие катастрофы происходили. Это показывает, что причина голода заключается не в дефиците продовольствия, а в диктатуре. Виновниками голода являются правители, разрушающие производство и торговлю, ведущие войны или игнорирующие бедственное положение собственного населения.

По мнению Сена, демократическим государствам удастся избежать голода потому, что предотвратить его не так уж трудно – если у властей есть такое желание. Правящим кругам достаточно не ставить препон в распределении продовольствия и создавать рабочие места для тех, у кого в кризисные периоды не хватает денег на еду. Однако диктаторов ничто не вынуждает этим заниматься – они едят досыта, даже если весь народ голодает, – в то время как демократически избранный лидер, неспособный решить проблему снабжения продовольствием, просто лишится своего поста. Кроме того, свободная пресса информирует общество о возникающих проблемах, что позволяет вовремя принимать меры. В условиях диктаторского режима из-за цензурных ограничений даже глава государства может заблуждаться относительно масштабов бедствия. К примеру, есть немало данных о том, что во время «большого скачка» в Китае (1958–1961), когда 30 миллионов человек погибли от голода, руководители страны верили собственному пропагандистскому аппарату и подтасованной статистике, которой их снабжали подчиненные, и в результате думали, что ничего катастрофического не происходит¹³.

Во всем мире улучшилась не только продовольственная ситуация; в два раза увеличились доступные объемы качественной питьевой воды – для развивающихся стран это очень важно, поскольку позволяет снизить уровень заболеваемости и не допускать эпидемий. Сегодня 80 % населения

Земли имеют доступ к чистой питьевой воде – на миллиард больше, чем в 1990 году. Еще тридцать лет назад 90 % сельских жителей планеты не имели чистой воды. Сейчас эта цифра составляет менее 20 %. В начале 1980-х годов меньше половины индийцев могли пить чистую воду, а уже через десять лет их число возросло до 80 %. Для Индонезии аналогичные показатели составляют соответственно 39 и 62 %. Некоторые страны, например, Кувейт и Саудовская Аравия, сегодня в значительной мере удовлетворяют свои потребности в питьевой воде за счет опреснения морской воды, запасы которой фактически неисчерпаемы. Опреснение – процесс дорогостоящий, однако опыт этих государств показывает, что экономическое благосостояние позволяет решить и проблемы, связанные с дефицитом природных ресурсов.

Образование

Один из самых эффективных способов обеспечить развитие личности и помочь человеку больше зарабатывать – дать ему образование; тем не менее многие люди лишены такой возможности. Проблема доступности образования во многом носит гендерный характер: 65 % детей, которые не ходят в школу, в результате чего остаются неграмотными, – девочки. Кроме того, эта проблема напрямую связана с нищетой. Во многих странах люди из беднейших слоев общества вообще не получают образования. Дети из бедных семей не ходят в школу потому, что либо родители просто не имеют возможности платить за обучение, либо, по их мнению, расходы на образование не имеют достаточной «отдачи». В Индии дети из 15 % самых зажиточных семей учатся в среднем на десять лет дольше, чем их сверстники из 15 % беднейших семей. Неудивительно поэтому, что ускорение экономического развития сопровождается быстрым повышением уровня образованности в обществе, а это, в свою очередь, стимулирует дальнейший экономический рост.

Сегодня в мировом масштабе начальное образование получают уже почти 100 % детей. Явным исключением вновь стала Тропическая Африка, но даже для нее этот показатель составляет 75 %. Развивается и среднее образование: если в 1960 году его получали 27 % детей по всему миру, то в 1995 году – уже 67 %. За этот же период доля детей, посещающих школу, увеличилась на 80 %. Сегодня в мире живет почти 900 миллионов неграмотных взрослых.

Рисунок 4. Распространение грамотности в развивающихся странах

Источник: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. The World Education Report 2000. Paris: UNESCO Publishing, 2000.

В количественном отношении эта цифра выглядит внушительной, и она действительно велика, но в процентном отношении здесь наблюдается большой прогресс: если в 1950 году 70 % жителей развивающихся стран не умели читать и писать, то сегодня таких осталось 23 %. С 1990 года число неграмотных снизилось на 10 % – почти на 75 миллионов. Гендерные различия в этой области также постоянно сокращаются. О том, насколько быстро распространяется грамотность в сегодняшнем мире, видно из сравнения долей грамотных людей в разных поколениях. Неграмотность среди молодежи быстро сходит на нет.

Демократизация

Возросшая скорость распространения информации и идей в мировом масштабе в сочетании с повышением уровня образования и материального благосостояния побуждает людей все активнее бороться за свои политические права. Критики глобализации утверждают, что динамичное развитие рынка и «интернационализация» капитала представляют угрозу для демократии, но на деле все это угрожает лишь их возможностям навязывать всем *свое* толкование демократии. Современная эпоха с точки зрения распространения демократических институтов, всеобщего избирательного права и возможностей самостоятельно формулировать мнение по политическим вопросам не имеет себе равных в истории.

Сто лет назад ни в одной стране мира не было всеобщего и равного избирательного права. На планете преобладали империи и монархии. Даже на Западе женщины были исключены из демократических процессов. В XX веке многие регионы мира находились под властью коммунизма, фашизма, национал-социализма – идеологий, вызвавших масштабные войны и массовые политические убийства, жертвами которых стали более 100 миллионов человек. Сегодня, за небольшими исключениями, эти политические системы ушли в прошлое. Тоталитарные государства рухнули, на смену диктатурам пришел демократический строй, а абсолютные монархи лишились трона. Сто лет назад треть населения земного шара жила в колониях, управлявшихся из метрополий за семью морями. К настоящему времени колониальные империи демонтированы. За последние десятилетия мы стали свидетелями того, как диктатуры рушатся одна за другой – особенно после падения «железного занавеса». С окончанием холодной войны канула в Лету и циничная стратегия Вашингтона по поддержке тех диктаторских режимов в третьем мире, которые выступали противниками советского блока.

По данным аналитической организации Freedom House, по состоянию на 2002 год в мире существует 121 страна с демократическим строем, многопартийной системой, всеобщим и равным избирательным правом. В этих государствах проживает 3,5 миллиарда людей, или около 60 % населения планеты. К категории «свободных» – то есть демократических государств, где полностью соблюдаются права человека, Freedom House относит 85 стран с населением в 2,5 миллиарда человек. В этих странах живет более 40 % населения Земли – беспрецедентная цифра! Иными словами, больше трети человечества является гражданами государств, где власть гарантирует верховенство закона, свободу дискуссий и не препятствует активным действиям оппозиции.

По состоянию на 2002 год, основополагающие права человека нарушались в 47 государствах. Самые вопиющие случаи зафиксированы в Бирме, Ираке, на Кубе, в Ливии, Саудовской Аравии, Северной Корее, Сирии, Судане и Туркменистане – то есть странах, наименее затронутых глобализацией и не ориентированных на либерализм и рыночную экономику.

Рисунок 5. Распространение демократии в мировом масштабе

Источник: Freedom House. Democracy's Century: A Survey of Global Political Change in the 20th Century. New York: Freedom House, 2000.

Угнетение, подавление свободомыслия, контроль властей над средствами массовой информации и прослушивание разговоров граждан заслуживают самого решительного осуждения и противодействия, но не стоит забывать о том, что еще несколько десятков лет назад подобное положение дел было характерно для большинства стран мира. Так, в 1973 году из всех государств мира с населением свыше миллиона человек демократический строй существовал лишь в двадцати¹⁴.

За 1990-е годы количество стран, относящихся к категории «свободных», увеличилось на 21, а «несвободных» государств стало на три меньше. Распространение демократии происходило параллельно с образованием новых государств на месте распавшихся прежних, например СССР. Сегодня тенденция к демократизации сохраняется, и нет никаких оснований считать, что в нынешних условиях этот процесс приостановится. Порой утверждают, будто демократия плохо сочетается с исламом, и на сегодняшний день так может казаться, но не стоит забывать, что в 1970-е годы многие исследователи говорили то же самое о католицизме, поскольку тогда среди католических стран были военные режимы Латинской Америки, коммунистические государства Восточной Европы и диктатуры, подобные режиму личной власти Фердинанда Маркоса на Филиппинах.

За последние десятилетия количество войн в мире снизилось вдвое, и сегодня вооруженные конфликты напрямую затрагивают менее 1 % населения планеты. Одна из причин этого состоит в том, что демократические страны не воюют друг с другом, а другая – в том, что развитие международных связей и обменов делает войну все менее подходящим способом решения конфликтов. В условиях свободы передвижения и торговли обычных людей уже меньше волнуют территориальные размеры собственного государства. Они повышают свое благосостояние не за счет захвата других стран, а за счет торговли с ними и коммерческого использования их ресурсов. Но если бы мир состоял из государств, наглухо закрывших собственные границы, чужие территории имели бы ценность только как объект аннексии.

В XVI веке в приграничных районах Швеции и Дании бытовала поговорка: «Мир заключила говядина». Крестьяне из обеих стран самостоятельно, вопреки воле правителей, устанавливали мирные отношения друг с другом, потому что были заинтересованы в обмене мяса и масла на сельдь и пряности. Еще в XIX веке французский либерал Фредерик Бастия

остроумно заметил: «Если границу не пересекают товары, ее непременно пересекут войска». Взаимозависимость означает, что причин для межгосударственных конфликтов становится меньше. Совместные предприятия, транснациональные корпорации, капиталовложения за рубежом, частная собственность на сырьевые ресурсы – все это приводит к тому, что границы между государствами все больше стираются. К примеру, несколько веков назад, когда шведы разоряли Европу, они разрушали и грабили имущество чужестранцев. Если бы Швеция попробовала проделать нечто подобное сегодня, пострадала бы и собственность многих шведских компаний, не говоря уже о шведских капиталах и рынках сбыта.

Утверждают, что глобализация, ослабляя государственный суверенитет, порождает сепаратизм, а с ним – локальные и межэтнические конфликты. Конечно, когда полномочия центральных властей ставятся под вопрос, опасность сепаратизма действительно возникает, и трагедия бывшей Югославии наглядно свидетельствует о том, что в будущем подобные кровавые конфликты не исключены. Однако число масштабных междоусобиц – жертвами которых стало более тысячи человек – снизилось с двадцати в 1991 году до тринадцати в 1998-м. Причем девять из них произошли на африканском континенте, в наименьшей степени затронутом глобализацией, демократизацией и развитием капитализма. Конфликты, возникающие после крушения тоталитарных государств, чаще всего являются результатом борьбы за власть в условиях временного политического вакуума. В некоторых странах централизованные режимы не допускают появления и развития стабильных демократических институтов и гражданского общества, поэтому, когда централизованная власть рушится, на время, пока эти институты не сформируются, воцаряется хаос. Однако нет никаких оснований считать, что в условиях глобальной интернационализации и демократизации именно такая тенденция будет превалировать.

Угнетение женщин

Одной из величайших несправедливостей нашего мира, несомненно, является угнетение женщин. В некоторых странах женщину рассматривают как собственность мужчины. Отец решает, с кем дочери заключать брак, а муж – чем должна заниматься жена. Есть государства, где муж является официальным владельцем паспорта или удостоверения личности своей жены, в результате чего она лишена свободы передвижения даже в собственной стране. В некоторых странах закон запрещает женщинам подавать на развод, владеть собственностью и заниматься любой работой вне дома. Дочерям отказывают в праве наследовать имущество – оно распространяется только на сыновей. Девочки не только не получают такого же образования, как мальчики, – очень часто они вообще не посещают школу. Власти закрывают глаза на избиение и изнасилование женщин или нанесение ритуальных увечий их половым органам.

Многие сетуют, что глобализация разрушает традиции и обычаи; это действительно так. Каким образом можно поддерживать, скажем, патриархальный уклад в семье, если дети начинают зарабатывать больше, чем ее глава? Одна из традиций, которым угрожает глобализация, – подчиненное положение женщин. Благодаря расширению культурных связей и обмена идеями у людей появляются новые надежды и устремления. К примеру, жительница Индии, увидев по телевизору, что в других странах женщинам отнюдь не уготована роль домохозяйки, задумывается о том, чтобы стать врачом или юристом. Некоторые китайки, прежде жившие в условиях полной изоляции, начали требовать большей самостоятельности в принятии решений относительно собственной жизни, прочитав об этом на вебсайте www.gaogenxie.com. Само название сайта – в переводе с китайского «высокие каблуки» – символизирует свободу, связанную прежде всего с отказом от традиции перевязывать девоч-

кам ноги. Когда женщины самостоятельно принимают решения в сферах потребления и занятости, они начинают активнее требовать равных прав с мужчинами и во всем остальном.

«Родители учили меня быть ухоженной и воспитанной. Я должна была быть послушной и учливой, во всем подчиняться им или моим учителям... Когда у меня будут собственные дети, я хочу, чтобы в моей семье существовало равноправие между мужем и женой, между родителями и детьми. У нас все было не так. Поколение моих родителей принимало как должное, что замужней женщине предстоит прожить жизнь в четырех стенах, делая все дела по дому, даже если у нее есть работа. Думаю, скоро эта эпоха безвозвратно уйдет в прошлое»

(Шань Инь, двадцатиоднолетняя китаянка, работающая в одном из шанхайских банков)¹⁵.

С ростом материального благосостояния в мире у женщин появляется больше независимости и возможностей зарабатывать на жизнь. Опыт Африки и других регионов показывает, что женщины проявляют недюжинные предпринимательские способности в рамках кустарного производства и товарообмена в неформальном секторе. Это позволяет предположить, что свободный рынок без дискриминации и государственного регулирования позволил бы им максимально реализовать свои способности. О том же свидетельствуют и факты: чем больше распространяется в мире свобода в сфере занятости и рыночная экономика, тем труднее становится лишать женщин возможности участвовать в хозяйственной деятельности. Сегодня женщины составляют 42 % всех работников в мире (двадцать лет назад – 36 %). В капиталистической экономике неважно, кто изготовил товар – мужчина или женщина: главное, чтобы он был конкурентоспособным. Более того, любая дискриминация убыточна, поскольку она не позволяет задействовать в производстве способности и труд определенных категорий рабочей силы. Все научные исследования показывают, что соблюдение прав женщин и их способность занимать подобающее положение в семье напрямую связаны с наличием у них возможностей устроиться на работу и обеспечивать себя материально.

Технический прогресс часто способствует прогрессу социальному. Так, в Саудовской Аравии женщины могут появляться на публике, только если их тело и лицо – за исключением рук, ступней и глаз – полностью скрыто одеждой. Кроме того, ряд занятий – например, вождение автомобиля – им просто запрещен. На практике это приводило к тому, что любая экономическая деятельность оказывалась для женщин недоступной. Однако сегодня, с распространением телефонной связи и Интернета, женщины получили возможность заниматься бизнесом, не выходя из дома, – с помощью компьютера. За короткое время в стране появилось множество малых предприятий, принадлежащих женщинам, – в таких областях, как индустрия моды, организация турпоездов, конференций и банкетов. Именно в этом заключается одна из причин, по которой две трети пользователей Интернета в Саудовской Аравии составляют женщины. Естественно, когда сразу несколько тысяч женщин делом доказывают, что способны не хуже мужчин конкурировать на рынке даже в условиях дискриминации, абсурдность запретов, которыми обставлена их жизнь, становится еще очевиднее. В результате в стране нарастает критика дискриминации по гендерному признаку¹⁶.

Другим следствием демократизации становится активное участие женщин в политике, и число стран, где законодательство, устанавливающее неравенство между полами, подвергается пересмотру, постоянно растет. Перекосы в законах о разводе и наследовании имущества постепенно ликвидируются. Принцип равенства всех перед законом распространяется в мире вместе с демократией и капитализмом. Идея равного человеческого достоинства наносит удар по дискриминации женщин.

Рост материального благосостояния также способствует гендерному равенству. Изучив ситуацию с образованием в Индии, специалисты Всемирного банка пришли к такому выводу: хотя мальчики чаще девочек получают школьное образование во всех группах населения, независимо от дохода семьи, *масштаб* этого диспаритета напрямую зависит от уровня обеспеченности. По данным этого исследования, в самых зажиточных семьях разница между числом девочек и мальчиков, посещающих школу, составляет всего 2,5 процентных пункта. В беднейших семьях эта разница достигает уже 34 процентных пунктов¹⁷. Даже в тех регионах мира, где существует наибольшее неравенство, – в Южной Азии, Африке, на Ближнем Востоке, – доля девочек, посещающих школу, за последние четверть века удвоилась. Разница между долями мужчин и женщин, получивших школьное образование, по всему миру за последние два десятилетия сократилась более чем наполовину. Если брать общемировые показатели, то сегодня девочки составляют 46 % от общего числа школьников.

Эта статистика сулит важные перемены к лучшему не только для самих женщин, но и для их детей. Рост образовательного уровня и заработка матери быстро приводит к улучшению питания и образования ее детей, тогда как связь между доходами отца и благосостоянием детей не столь ярко выражена. В Южной Азии, где бесчеловечное отношение к женщине как человеку «второго сорта» приводило – и до сих пор приводит – к высокому уровню смертности среди девочек в первые годы жизни, сегодня показатель ожидаемой продолжительности жизни у детей женского пола в среднем выше, чем у их сверстников-мальчиков. Что же касается развивающихся стран в целом, то за последние полвека средняя ожидаемая продолжительность жизни женщин третьего мира увеличилась на двадцать лет. Кроме того, повышается влияние женщин и в вопросах деторождения. Улучшение ситуации с правами женщин в бедных странах, наряду с распространением контрацепции, сопровождается снижением рождаемости.

Хелен Рахман из организации Shoishab (эта группа, получающая финансовую поддержку от Oxfam, действует в столице Бангладеш Дакке, помогая обездоленным и бездомным детям, а также работающим женщинам) утверждает, что развитие текстильной промышленности в стране за последние двадцать лет способствовало повышению социального статуса женщин: «Производство одежды стало катализатором незаметной революции в обществе. Раньше считалось неприемлемым, чтобы женщина работала за пределами квартала, где она живет.

В прошлом каждая женщина, переехавшая из деревни в город, подвергалась остракизму: все думали, что там она занимается проституцией. Теперь, если пять девушек вместе снимают дом, на них никто не смотрит косо». Хелен подметила и перемены в поведении людей: «Тот факт, что женщина сама зарабатывает деньги, повышает ее социальный статус и расширяет возможности жизненного выбора. Одним из самых позитивных результатов этого стало увеличение среднего возраста вступления девушек в брак»¹⁸.

Китай

Примерно половина всех бедняков мира живут в двух крупнейших по численности населения странах – Китае и Индии, поэтому развитие событий в этих государствах имеет особое значение. Последние двадцать лет Китай и Индия переживают масштабную экономическую либерализацию. В конце 1970-х годов вожди коммунистического диктаторского режима в Пекине осознали, что коллективизация сельского хозяйства препятствует разви-

тию страны. Централизованный контроль над производством – в частности, требование, чтобы крестьяне сдавали всю продукцию государству, – приводил к истощению земель и снижению урожайности. Правитель Китая Дэн Сяопин не желал расставаться с социалистическими принципами перераспределения. Однако он понимал, что лучше «распределять» богатство, чем нищету, а богатеть страна может, только если предоставить людям больше свободы. Поэтому в декабре 1978 года, через два года после смерти Председателя Мао, Дэн Сяопин приступил к осуществлению программы либерализации экономики. Крестьянским семьям, которых прежде принудительно объединяли в сельскохозяйственные «коммуны», теперь было разрешено оставлять часть продукции себе и продавать ее по рыночным ценам; со временем эта система становилась все более либеральной. Таким образом, у китайцев появился стимул для инвестиций в сельскохозяйственное производство и повышения его эффективности. Желających воспользоваться предоставленной возможностью выйти из коммуны и официально арендовать землю у государства оказалось столько, что в стране произошла, вероятно, самая масштабная приватизация в истории – почти все сельскохозяйственные земли перешли в частные руки. Реформа полностью оправдала себя: с 1978 по 1984 год урожаи росли невероятными темпами – на 7,7 % ежегодно. В стране, которая всего двадцатью годами раньше пережила самый страшный голод в истории человечества, возникло перепроизводство продуктов питания.

Вскоре аналогичные рыночные стимулы стали вводиться и в других секторах экономики. На первом этапе были созданы свободные экономические зоны, где не действовали принципы административно-командной системы. Китайские предприниматели смогли самостоятельно выходить на международный рынок, потрясающий успех этого нововведения повлек за собой либерализацию «по всему фронту». Была разрешена торговля в сельской местности, а также товарообмен между городом и деревней. В результате прежде замкнутые, самодостаточные деревни интегрировались в региональные и даже общенациональные рынки. Возросшая производительность труда, а с нею и покупательная способность крестьян побуждала многих из них вкладывать деньги в создание частных или кооперативных промышленных предприятий. С тех пор прежде немыслимые явления – либерализация рынка труда и внешней торговли, иностранные прямые инвестиции – все больше становятся неотъемлемой частью повседневной жизни страны.

Информация об этих преобразованиях носит несколько противоречивый характер: в условиях всевластной диктатуры получить надежные статистические данные непросто. Однако все наблюдатели сходятся в одном – экономический рост и повышение уровня жизни в Китае не имеют прецедентов в истории. Считают, что в течение двадцати лет после начала первых реформ темпы роста экономики составляли почти 10 % в год, а объем ВВП страны за этот период увеличился более чем в четыре раза. За два десятилетия Китай по размерам ВВП сначала сравнялся с Германией, а затем превзошел Германию, Италию, Францию и страны Северной Европы, вместе взятые. Благодаря либерализации сельского хозяйства в 1978 году доходы 800 миллионов китайских крестьян удвоились всего за шесть лет. Экономист Шучжэ Яо утверждает, что за эти годы полмиллиарда китайцев сумели вырваться из абсолютной нищеты (хотя само наличие такой проблемы официальная статистика долго скрывала). Всемирный банк назвал этот феномен «самым масштабным и быстрым сокращением бедности в истории»¹⁹.

Конечно, у Китая еще могут возникнуть серьезнейшие экономические проблемы. Поскольку государство регулирует потоки капитала, гигантские кредиты предоставляются неэффективным предприятиям госсектора или фирмам, находящимся под «покровительством» чиновников, а малые и средние предприятия испытывают острый дефицит капитала. Власти защищают банки и корпорации от независимой экспертизы, что может спровоцировать масштабный кризис. Однако преобразования в экономике носят настолько фундамен-

тальный характер, что возврат к ситуации, существовавшей до 1978 года, как с точки зрения экономической политики, так и в плане благосостояния граждан, уже невозможен.

Бойня на площади Тяньаньмэнь, действующий во многих регионах запрет иметь в семье больше одного ребенка, репрессии в Тибете и Синьцзяне, преследование движения «Фа-лунь Гун», политзаключенные, томящиеся в лагерях, – все это показывает, что перемены, увы, затронули не все аспекты жизни Китая. Коммунистическая партия продолжает репрессивную политику, но все меньше остается тех, кто считает, что в условиях экономической либерализации нынешний режим продержится долго. Уже благодаря самому этому процессу граждане получили ряд важнейших прав. Если раньше китайцы были вынуждены работать там, где предписывало государство, то теперь они сами решают, чем заняться. В свое время поездки по стране и переселение в другой регион были практически невозможны, а переезд из деревни в город полностью исключался. Теперь китайцы получили почти полную свободу передвижения, носят ту одежду, какую хотят, и тратят деньги в основном по собственному усмотрению.

Жители деревень получили больше свободы в выборе своих представителей в местные органы. В целом избирательный процесс по-прежнему контролируется коммунистической партией, но там, где случаются исключения, люди выражают поддержку переменам. Сегодня почти треть деревень фактически освободилась от партийного контроля, а некоторые крестьяне даже требуют предоставить им право выбирать членов общенациональных партийных органов. В долгосрочной перспективе сочетать демократию на местах с диктатурой центра будет очень непросто. Хотя за инакомыслие человека еще могут арестовать, сегодня в стране высказываются самые разнообразные мнения – во многом благодаря зарубежному влиянию и распространению Интернета. Появляются независимые организации, власти уже не в состоянии контролировать информационные потоки. Даже газеты демонстрируют большую независимость в суждениях, а коррумпированные чиновники в открытую подвергаются критике.

Индия

В отличие от Китая, в Индии сразу после обретения независимости утвердился демократический строй, однако в экономике эта страна пошла по пути жесткого государственного регулирования. В попытке создать самодостаточное народное хозяйство правительство финансировало создание крупных промышленных предприятий, которые защищались от конкурентов высочайшими импортно-экспорт-ными барьерами. Эта чрезвычайно затратная политика потерпела фиаско. Любая экономическая деятельность была обставлена множеством правил и инструкций, а буквально каждый шаг требовал официальных разрешений, получить которые без связей и взяток было практически невозможно. Вместо британского колониального режима в стране воцарился «режим разрешений». Власть перешла к бюрократии. Индийцам, стремившимся заняться бизнесом, приходилось тратить массу усилий на «подмазывание» чиновников, а в случае успеха этой операции они получали гарантированную защиту от конкуренции в своей сфере деятельности. Экономический рост едва поспевал за ростом населения, а число людей, живущих за чертой бедности, увеличилось с 50 % населения на момент обретения независимости до 62 % в 1966 году.

В середине 1970-х годов в Индии пусть медленно, но началось переустройство экономики. Вместо протекционизма и автаркии упор стали делать на конкурентные преимущества страны в трудоемких производствах. В 1980-х годах экономический рост начал набирать темпы, а число людей, живущих в нищете, – снижаться. Однако этот процесс финансировался за счет кредитов, и в начале 1990-х дело закончилось жесточайшим кризисом. В 1991 году правительство провело серию реформ, призванных навести порядок в финансовой

сфере, создать более благоприятные условия для торговли и зарубежных инвестиций, развивать конкуренцию и предпринимательскую активность. Уровень тарифов, достигавший в среднем «запретительных» 87 %, был снижен до 27 %. Три сменявших друг друга правительства, несмотря на то что они представляли разные партийные коалиции, проводили последовательный курс на освобождение экономики от многочисленных ограничений.

Хотя для того, чтобы Индию можно было назвать страной с подлинно рыночной экономикой, необходимо еще провести ряд масштабных реформ, страна уже достигла огромных результатов за счет более эффективного использования имеющихся ресурсов. С начала реформ в Индию потекли иностранные инвестиции, а экономический рост составляет 5–7% в год. Доля населения, живущего за чертой бедности, снизилась примерно до 32 %. Особенно быстро ситуация стала улучшаться вслед за экономическими преобразованиями. Только за период реформ (1993–1999) доля бедняков сократилась на 10 процентных пунктов. Если бы не реформы, число индийцев, живущих в нищете, сегодня было бы больше на 300 миллионов. С конца 1960-х годов прирост населения снизился на 30 %, а средняя ожидаемая продолжительность жизни (на момент провозглашения независимости она равнялась 30 годам) на сегодняшний день увеличилась вдвое – до 60 лет²⁰. Сейчас половина бедных семей в Индии имеет в доме часы, треть – радиоприемник, а 40 % – телевизор.

Впрочем, в разных штатах Индии развитие событий шло неодинаково – все зависело от масштаба проводившихся на региональном уровне реформ. Многие сельские районы – а именно там живет большинство бедняков – оказались не затронутыми серьезными мерами по либерализации экономики, и уровень нищеты там остался прежним. В то же время в других штатах, особенно южных – Андхра-Прадеше, Карнатаке и Тамилнаде, – темпы либерализации весьма высоки. Показатели экономического роста в этих регионах превышают общенациональные, порой достигая невероятных 15 % в год; именно сюда поступает большая часть инвестиций, как из-за рубежа, так и из других районов Индии. В экономике страны произошло «информационно-технологическое чудо»: сектор производства компьютерных программных продуктов демонстрирует ежегодный рост на уровне 50 %. Не случайно именно в индийском штате Андхра-Прадеш компания Microsoft создала единственный в мире полномасштабный исследовательский центр помимо того, который действует при ее штаб-квартире в Редмонде. Экономический рост отразился и на социальном развитии «продвинутых» регионов. В среднем именно в «реформаторских штатах» наблюдаются наибольшие успехи в совершенствовании систем здравоохранения и образования, быстрее всего преодолеваются нищета и неграмотность. Если раньше девочки часто не получали даже элементарного образования, то сегодня по доле посещающих школу они быстро догоняют мальчиков. В нескольких штатах (Андхра-Прадеш, Махараштра) масштабы бедности по сравнению с концом 1970-х годов сократились на 40 %, тогда как в регионах, где не была проведена либерализация, например в Бихаре и Уттар-Прадеше, прогресса в этой области почти нет²¹.

Индийская кастовая система – своеобразный апартеид, разделяющий людей на категории и определяющий отношение к ним в зависимости от семьи, из которой они происходят, – была отменена на официальном уровне, но оказалась крайне живучей. На местах выходцев из низшей касты по-прежнему третируют как людей «второго сорта», отказывая им в равных правах с остальными. Однако эта система постепенно разрушается, поскольку в рыночной экономике предрассудкам не место: при найме на работу учитываются деловые качества человека, а не происхождение его семьи. Все чаще и чаще люди из касты неприкасаемых впервые в истории получают право участвовать в собраниях жителей деревни. Правительство не поддерживает кастовую систему, а, наоборот, проводит пропагандистские кампании, направленные против дискриминации. Одним из явных признаков прогресса в

этой области стал тот факт, что в 1997–2002 годах пост президента Индии занимал выходец из касты неприкасаемых К. Р. Нарайянан.

Глобальное неравенство

Многие критики глобализации скажут, что прогресс – это хорошо, но, даже если большинство людей стали жить лучше, пропасть между богатыми и бедными только увеличивается, и положение зажиточных людей и стран улучшается гораздо быстрее, чем благосостояние всех остальных. Так что проблема неравенства сегодня даже обострилась. Эти критики указывают, что сорок лет назад совокупный объем ВВП на душу населения двадцати самых богатых стран превышал аналогичный показатель двадцати самых бедных стран в 15 раз, а сегодня – уже в 30.

Однако этот упрек в адрес глобализации несостоятелен по двум причинам. Во-первых, даже если дело действительно обстоит таким образом, это мало влияет на общую ситуацию. Если улучшается благосостояние всех людей, так ли уж важно, что для кого-то этот процесс идет быстрее, чем для остальных? Несомненно, самое главное – чтобы все жили как можно лучше, а не то, что какая-то группа оказывается богаче другой. Лишь тот, кто считает богатство худшим злом, чем бедность, может видеть проблему в том, что кто-то становится миллиардером, даже если в то же самое время материальное положение других улучшается по их собственным меркам. Лучше уж быть бедняком по меркам американского общества, со всем его неравенством (в США по состоянию на 2001 год считалось, что за чертой бедности живут те, чей годовой доход меньше 9039 долларов), чем «равным среди равных» в Руанде, где на тот же 2001 год объем ВВП на душу населения (в пересчете на покупательную способность) составлял 1000 долларов, или в Бангладеш (1750 долларов), или в Узбекистане (2500 долларов)²². Часто причина усиления имущественного неравенства в некоторых странах, где проводятся экономические реформы, например, в Китае, заключается в том, что в городах темпы экономического роста выше, чем на селе. Но, с учетом общего беспрецедентного сокращения бедности как в городе, так и в деревне, неужели найдется человек, который предпочтет, чтобы этого вообще не было?

Бедность – не всегда синоним нищеты. Многие показатели бедности носят относительный характер, то есть оценивается нематериальное положение человека как таковое, а его благосостояние по сравнению с другими. Скажем, согласно одному часто используемому (в частности ПРООН) критерию, бедным считается человек, чей доход составляет менее половины средней зарплаты в его стране. Таким образом, весьма зажиточный гражданин бедной страны вроде Непала считался бы нищим, как церковная мышь, по меркам богатой страны вроде Соединенных Штатов. Поэтому такие относительные показатели нельзя сравнивать, если речь идет о разных странах. Те, кто в США попадает в категорию бедняков, не всегда живут в условиях, которые мы обычно ассоциируем с бедностью. Так, 72 % бедных американских семей имеют хотя бы одну машину, у 50 % дома оборудованы кондиционерами, у 72 % есть стиральная машина, у 20 % – посудомоечная машина, у 60 % – микроволновая печь, у 93 % – цветной телевизор, у 60 % – видеоплеер, а 41 % являются собственниками домов, в которых они живут (показатели, по которым семья признается бедной, учитывают только регулярно получаемые доходы; владение недвижимостью при этом в расчет не берется)²³.

Во-вторых, утверждения о росте неравенства попросту неверны. Представление о том, что разрыв между богатыми и бедными в мире увеличивается, основано на статистике Программы развития ООН, в особенности на данных из «Доклада о человеческом развитии за 1999 год». Однако здесь есть проблема: эти данные составлялись без пересчета на покупательную способность. Другими словами, в оценках ПРООН не учитывается, что именно люди могут купить на имеющиеся у них деньги. Но без такой коррекции приведенные данные в основном говорят об официальном курсе валюты той или иной страны и о том, как эта валюта котируется на международном рынке, – а это весьма неточный показатель для оценки бедности. Реальный уровень жизни бедняков, естественно, куда больше зависит от стоимости продуктов питания, одежды и жилья в их стране, чем от того, что они смогли бы купить на свои деньги, отправившись в круиз по Европе. Самое странное здесь в том, что при составлении индекса человеческого развития – стандартного критерия оценки уровня жизни – та же ПРООН использует статистические данные с поправкой на покупательную способность. Некорректными цифрами эта организация оперирует лишь в тех случаях, когда стремится подтвердить тезис о росте неравенства.

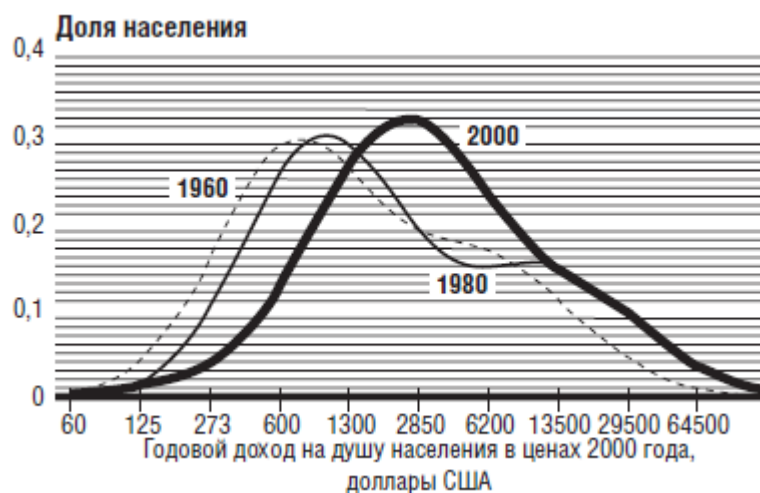
В одном из докладов Норвежского института внешней политики вопрос о глобальном неравенстве изучен на основе данных, учитывающих покупательную способность. Авторы доклада пришли к выводу, что, вопреки общепринятым представлениям, с конца 1970-х годов неравенство между различными странами постоянно *сокращается*. Особенно ускорился этот процесс в 1993–1998 годах, когда глобализация по-настоящему набрала темп²⁴. Выводы норвежских ученых подтвердило и более позднее исследование экономиста из Колумбийского университета Ксавьера Сала-и-Мартина. Как выяснил Сала-и-Мартин, если пересчитать статистические данные ПРООН с учетом покупательной способности, окажется, что уровень неравенства в мировом масштабе резко сократился по любым общепринятым меркам²⁵. Кроме того, Бхалла и Сала-и-Мартин независимо друг от друга пришли к одинаковому выводу: если взять в качестве точки отсчета неравенство между *людьми*, а не *странами*, получится, что по состоянию на конец 2000 года уровень неравенства в мире был самым низким за весь период после окончания Второй мировой войны. Если при составлении оценочных показателей сравнивается положение стран, а не людей, отмечают оба автора, это приводит к значительному преувеличению реального уровня неравенства, поскольку улучшение благосостояния огромного количества людей нивелируется за счет относительного обнищания немногочисленных групп. При таком сравнении Китай и Гренада имеют равный статистический «вес», хотя население Китая превосходит население Гренады в 12 тысяч раз. Стоит взять за основу положение людей, а не стран, и мы увидим, что подавляющее большинство данных говорит о сокращении разрыва в уровне жизни в мире за последние тридцать лет²⁶. Если сравнить 10 % самых богатых и самых бедных стран, то получится, что неравенство действительно увеличивается: это позволяет предположить, что существует небольшая группа «отстающих» (мы еще вернемся к этому вопросу и выясним, какие страны в нее входят и почему). Однако анализ, охватывающий все страны мира, явно указывает на общий прогресс в области равенства. Если, к примеру, сравнить данные по 20 % или трети самых богатых и самых бедных стран, мы увидим, что разрыв между ними уменьшился.

Экономисты обычно измеряют уровень неравенства с помощью коэффициента Джини. Если он равен нулю, это означает, что в обществе существует полное равенство и доходы всех абсолютно одинаковы. Если же коэффициент равен единице, речь идет об абсолютном неравенстве, когда все принадлежит одному человеку. Так вот, с 1968 по 1997 год коэффициент Джини для мира в целом снизился с 0,6 до 0,52 – то есть более чем на 10 %.

Поскольку разрыв между богатыми и бедными *внутри* каждой страны за этот период, судя по всему, практически не претерпел изменений, глобальное неравенство, вопреки распространенному представлению, уменьшается. В отчете Всемирного банка за 1998/1999 год оценивается, среди прочего, и различие в доходах 20 % самых богатых и самых бедных людей в развивающихся странах. Естественно, эта разница по-прежнему очень велика, но она сокращается на всех континентах! Единственным исключением стали посткоммунистические государства Восточной Европы: там неравенство растет быстрее всего в тех странах, где реформы продвигаются медленно²⁷.

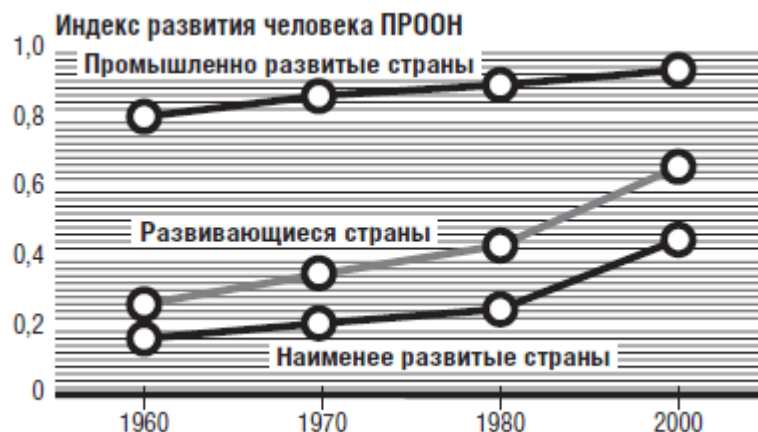
Казалось бы, это противоречит данным, содержащимся в докладе ПРООН за 1999 год, однако выводы последнего сомнительны, не в последнюю очередь из-за того, что организация не включила в него собственную статистику за 1995–1997 годы – период, когда неравенство сокращалось особенно быстро. Более того, совокупный показатель благосостояния, используемый ПРООН, – индекс человеческого развития (ИЧР) – указывает на то, что уровень неравенства снижался даже быстрее, чем подсчитали норвежские исследователи. ИЧР представляет собой сумму различных составляющих благосостояния – доходов, уровня образования и средней ожидаемой продолжительности жизни. Этот индекс варьируется от 0 – максимального неблагополучия до 1 – абсолютного благосостояния. Так вот, за последние сорок лет ИЧР вырос для всех групп стран, но особенно сильно – для самых бедных. В странах ОЭСР с 1960 по 2000 год ИЧР увеличился с 0,8 до 0,92, а в развивающихся странах рост был намного более значительным – с 0,26 до 0,65.

Рисунок 6. Распределение доходов в мире, 1960, 1980 и 2000

Источник: *Bhalla S. Imagine There's No Country. Washington: Institute for International Economics, 2002. P. 176.*

Рисунок 7. Рост уровня жизни во всем мире

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

Иногда говорят, ссылаясь все на тот же доклад ПРООН, что объем доходов самых богатых 20 % населения планеты превышает тот же показатель для 20 % самых бедных в 74 раза. Но если оценивать уровень благосостояния, исходя из того, что человек в состоянии купить на свои деньги, – то есть с поправкой на покупательную способность, – выяснится, что реальный разрыв между ними сокращается до 16 раз²⁸.

Необходимые оговорки

Все вышесказанное, естественно, не означает, что в мире царит полное благополучие или что ситуация постоянно улучшается во всех отношениях. Ежегодно на планете около 3 миллионов человек умирает от СПИДа. Одно из жесточайших последствий этой эпидемии заключается в том, что дети теряют родителей: СПИД сделал сиротами 13 миллионов детей – подавляющее большинство из них живет в странах Тропической Африки²⁹. В нескольких африканских странах более 15 % взрослого населения страдают этой болезнью. Около 20 миллионов человек сегодня оказались в положении беженцев, спасаясь от репрессий, конфликтов или природных катастроф. Хотя прогнозы относительно запасов воды на планете стали оптимистичнее, нам по-прежнему грозит острый дефицит чистой питьевой воды, что может привести к эпидемиям и вооруженным конфликтам. Около двадцати стран – в основном в Южной Африке – по сравнению с 1965 годом стали не богаче, а беднее. Конечно, масштабы неграмотности, голода и бедности сокращаются, но от них до сих пор страдают сотни миллионов людей. Вооруженные конфликты в мире происходят реже, но это слабое утешение для сотен тысяч людей, подвергающихся избиению, изнасилованию, теряющих родных и близких в войнах.

С перечисленными проблемами особенно трудно смириться из-за того, что мы знаем: их можно решить. Когда низкий уровень развития представляется естественным и неизбежным элементом человеческой жизни, это можно рассматривать как трагическое проявление судьбы. Но когда мы знаем, что такое состояние можно преодолеть, оно превращается в проблему, которую не только можно, но и нужно решать. С этим явлением мы сталкиваемся не впервые: то же самое происходило более двухсот лет назад, когда благодаря промышленной революции уровень жизни на Западе начал расти. Если нищета и страдания окружают вас повсюду, вы быстро перестаете их замечать. Когда же их можно сравнить с противоположными примерами – примерами изобилия и процветания, – у нас открываются глаза, и это хорошо, потому что подобное знание стимулирует усилия по преодолению проблем, кото-

рые мы видим вокруг. Однако само существование этих проблем не должно приводить нас к выводу, что ситуация в мире ухудшается, – ведь на самом деле это не так.

Совершенно очевидно, что серьезных проблем на планете более чем достаточно. Но не стоит упускать из виду и другой, потрясающий феномен – радикальное сокращение их масштабов в результате распространения демократии и капитализма. В странах, где дольше всего проводится либеральная политика, нищета и обездоленность стали исключением, а не правилом – в то время как раньше, в любые исторические эпохи, именно они были правилом во всем мире. Нас всех ждут колоссальные перемены, и в то же время мы четко видим политические и технические способы, позволяющие решать существующие проблемы. Поэтому в общем и целом у нас есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом.

Глава 2 ...и это неслучайно!

Капитализм для всех

Рост благосостояния в мире не обязан «чуду» или какому-то другому «невероятному происшествию», с чем мы привыкли связывать достижения стран, добившихся впечатляющих успехов в экономике и социальной сфере. Строительство новых школ и рост доходов граждан не объяснишь простой «улыбкой фортуны», обрушившей на вас неожиданное богатство, словно манну небесную. Все это происходит, когда люди начинают мыслить по-новому и упорно трудиться, чтобы воплотить свои идеи в конкретные достижения. Но такое происходит всегда и везде, и нет никаких оснований считать, что определенные люди из определенных стран в определенный исторический момент почему-то оказываются умнее или способнее других. Успех или неудача зависит от того, поощряет ли социальная среда творческую инициативу и упорный труд или препятствует им. А это, в свою очередь, определяется тем, есть ли у людей возможность свободно развивать свои таланты, владеть собственностью, делать долгосрочные инвестиции, заключать между собой соглашения и торговать. Одним словом, все зависит от того, существует ли в данной стране капиталистический строй. В ныне богатых государствах этот строй в той или иной форме утвердился еще несколько столетий тому назад. Именно поэтому страны Запада и стали *богатыми государствами*. Капитализм дал людям свободу и стимулы для творчества, производства, торговли – то есть создания материальных благ.

Последние двадцать лет этот строй благодаря процессу, называемому глобализацией, стал распространяться по всему миру. Коммунистические диктатуры на Востоке и военные диктатуры в третьем мире рухнули, а вместе с ними пали барьеры, воздвигнутые, чтобы не допустить свободного обмена идеями, передвижения людей и товаров. Мы являемся свидетелями широкого распространения и признания важного принципа, согласно которому творчество не поддается централизации: стимулировать его можно, только предоставив гражданам право самостоятельно принимать решения, созидать, мыслить, трудиться.

В системе капитализма ни один человек не станет объектом произвола со стороны других. Поскольку у нас всегда есть возможность не подписывать контракт или отказаться от сделки, если они нас не устраивают, единственный способ разбогатеть в условиях рыночной экономики – это предложить людям нечто такое, чего они хотят, за что они готовы заплатить по доброй воле. В ходе свободного обмена обе стороны должны считать, что он принесет им выгоду, – иначе сделка просто не состоится. Таким образом, в экономике не существует «игры с нулевым счетом». Если человек много зарабатывает в условиях рынка, это означает, что он предложил другим людям много товаров и услуг, в которых они нуждаются. Доходы Билла Гейтса и Мадонны исчисляются миллионами, но они не украли эти деньги: они их заработали, предлагая потребителям программные продукты и музыкальные произведения, за которые множество людей готовы платить. В этом смысле их обоих можно назвать нашей «обслуживаемой». Фирмы и индивиды стараются создать более качественные товары и найти более эффективные способы обеспечить наши потребности. Есть и альтернативный путь – когда государство берет под контроль все наши ресурсы и само решает, какие виды деятельности следует поощрять. При этом, правда, возникает вопрос: кто сказал, что государство лучше нас самих знает, что именно для нас важно?

В условиях рыночной экономики цена и прибыль служат своего рода «сигнальной системой», помогающей ориентироваться работнику, предпринимателю и инвестору. Те, кто хочет получать хорошую зарплату или большую прибыль, должны подумать – в каких секторах экономики у них появится возможным образом обеспечить потребности других людей? Чрезмерно высокие налоги и социальные выплаты полностью искажают эту систему сигналов и стимулов. Регулирование цен приводит к разрушительным последствиям, поскольку оно создает помехи для ценовой сигнальной системы, необходимой для нормального функционирования рыночной экономики. Если правительство устанавливает ценовые потолки, то есть требует продавать что-то по цене ниже рыночной (как это произошло со ставками за аренду жилья в Нью-Йорке), результатом становится дефицит. Люди будут держаться за свои квартиры, даже если они им в данный момент не нужны и кто-то готов снять ту же квартиру за большие деньги. Домовладельцы, лишенные возможности взимать более высокую арендную плату, теряют интерес к покупке новых домов, и строительные компании вынуждены отказываться от новых проектов. Кончается все это дефицитом жилья. Если же правительство устанавливает нижний предел цен, то есть намеренно приобретает товар по цене выше рыночной (как это делается во многих странах в отношении сельскохозяйственной продукции), результатом становится перепроизводство. Когда ЕС платит за продукты питания дороже, чем рынок, это приводит к чрезмерному росту занятости в аграрном секторе, в результате продукции производится больше, чем нужно, а ресурсы растрачиваются впустую.

Другой необходимой предпосылкой капитализма является право людей оставлять себе ресурсы, которые они заработали или создали. Если вы, отказывая себе во всем, делаете долгосрочные инвестиции, но большую часть прибыли отбирает кто-то другой, вы, скорее всего, прекратите этим заниматься. Защита прав собственности – основа основ капиталистической экономики. Собственность предусматривает не только право человека на плоды его труда, но и право свободно распоряжаться своими средствами, не спрашивая разрешения у властей. Капитализм превращает людей в первопроходцев, осваивающих «новые земли» экономики.

Сказанное, конечно, не означает, что любой человек, действующий на рынке, по определению *умнее* государственного служащего. Дело в другом: рыночные игроки постоянно находятся в своей конкретной экономической «нише» и, реагируя на колебания цен, всегда в курсе текущей ситуации со спросом и предложением. Тот же, кто занимается централизованным экономическим планированием, просто не в состоянии собрать всю необходимую информацию, да и мотивация, побуждающая учитывать эти данные, у него гораздо слабее. Даже если любой отдельно взятый бюрократ умнее любого рыночного игрока, ему все равно не сравниться с совокупным интеллектом миллиона таких игроков! Они за счет миллиона индивидуальных действий, методом проб и ошибок определяют более эффективный способ использования имеющихся ресурсов, чем это можно сделать одним, даже гениальным распоряжением из центра. Если государство решает, что все ресурсы следует бросить на развитие определенной формы коллективного хозяйства в аграрном секторе, и это решение оказывается неудачным, последствия такой ошибки затронут все общество и при наихудшем развитии событий могут привести к массовому голоду. Но если развитием той же формы хозяйства займется группа людей, в случае провала своей затеи пострадают только они сами, а избыток продукции в других сегментах аграрного сектора гарантирует, что даже самые серьезные последствия этой неудачи не обернутся голодом. Для развития общества такие эксперименты и инновации необходимы, но в то же время связанные с ними риски следует свести к минимуму, чтобы ошибки немногих не ставили под угрозу благосостояние всех. В этом – главное достоинство индивидуального принятия решений и индивидуальной ответственности за их результаты.

Личная ответственность – такая же неотъемлемая черта капитализма, как и личная свобода. У политика или госслужащего, вкладывающего большие деньги в проект по развитию инфраструктуры или кампанию за проведение очередной Олимпиады в его стране, нет таких стимулов к принятию наиболее рациональных решений, как у частного предпринимателя или инвестора. Если что-то пойдет не так и доходы не позволят компенсировать расходы, расплачиваться будут не те, кто принял неудачное решение.

Люди, распоряжающиеся своей, а не «ничьей» собственностью, всегда действуют с расчетом на долгосрочную перспективу – ведь они знают, что им самим пожинать плоды (или нести убытки). В этом и заключается суть капиталистической экономики – люди откладывают часть того, что уже имеют, чтобы в будущем создать новые материальные блага. Также поступаем и мы, приращивая собственный «человеческий капитал», когда не жалеем времени и сил, чтобы получить хорошее образование, позволяющее нам в будущем зарабатывать больше. В экономике это означает следующее: мы не «проедаем» все заработанное, а откладываем часть имеющихся средств, поручая распоряжаться ими тому, кто сделает это эффективнее, чем мы сами, а затем получаем вознаграждение в виде процентов или прибыли. Сбережения и инвестиции обеспечивают поступательное развитие экономики – ведь за их счет финансируются новое оборудование и организационные структуры, позволяющие более продуктивно использовать трудовые ресурсы.

Организационные вопросы очень важны, поскольку за счет добровольного сотрудничества можно изготовить гораздо больше продукции, чем в случае, если все операции от начала до конца делает один человек. У «кустаря-одиночки» на изготовление одного кресла может уйти неделя, но если у него лучше всего получаются работы по дереву и он объединит усилия с другим работником, который отлично накладывает лак, и третьим – специалистом по обивке, то вместе они, возможно, сделают кресло за один день. А имея современное оборудование – еще один результат разделения труда и сотрудничества, – они могли бы изготавливать по сотне кресел в день и получать за свой труд гораздо больше.

Благодаря техническому прогрессу появляется оборудование, позволяющее производить существующие товары с меньшими затратами, а также предлагать людям новую, ультрасовременную продукцию. В результате постоянного повышения производительности за счет разделения труда и технических усовершенствований сегодня отдача с одного человеко-часа в 25 раз больше, чем в середине XIX века. Соответственно и работник получает в 25 раз больше – за счет увеличения зарплаты, улучшения условий труда и сокращения рабочего дня. Когда чей-то труд становится более производительным, находится больше желающих «купить» его. Чтобы получить квалифицированных работников, фирмам приходится повышать зарплату и улучшать условия труда. Если же, напротив, зарплата растет быстрее производительности труда – в результате принятия соответствующих законов или заключения коллективных договоров под диктовку профсоюзов, – количество рабочих мест сокращается, поскольку трудовой вклад работников не стоит тех денег, которые работодатель вынужден им платить. В данном случае «перепроизводство» трудовых ресурсов, искусственно созданное установлением нижнего предела оплаты труда, приводит к безработице.

Политики порой создают видимость роста зарплаты, раскручивая инфляцию, – именно это многие годы происходило в Швеции. Однако, поскольку деньги постоянно обесцениваются, увеличение зарплаты в этих условиях носит иллюзорный характер. В долгосрочной перспективе обеспечить рост реальной зарплаты может только развитие экономики и повышение производительности труда.

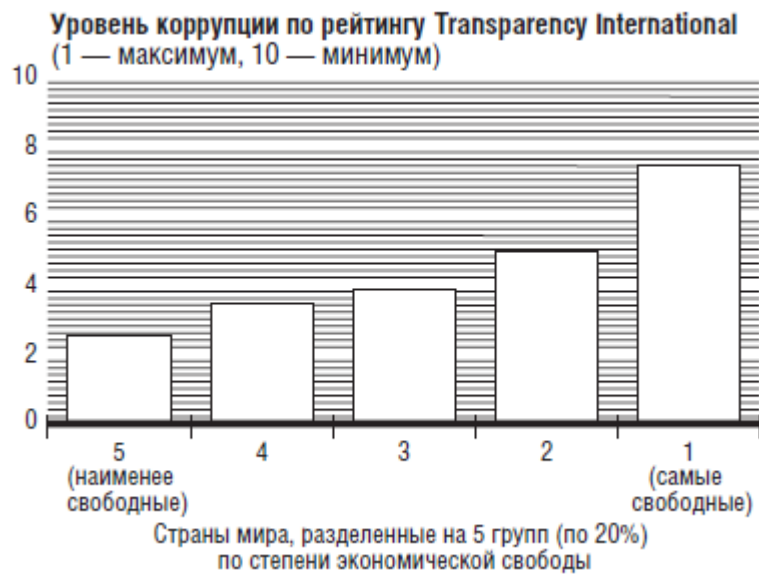
Любая политическая и экономическая система нуждается в правилах, и капитализм, даже в его самой либеральной форме, здесь не исключение: ему по определению необходимы правила, определяющие законные права собственности, составление контрактов, урегулирование споров и многое другое. Эти правила создают основу для эффективного

функционирования рынка. Но существуют и правила иного рода, мешающие нормальной работе рыночной экономики, – мелочное регулирование, расписывающее по пунктам, как люди должны распоряжаться своей собственностью, затрудняющее в ряде случаев открытие нового дела из-за необходимости получать лицензии и разрешения или из-за ограничений в области ценообразования и деловой активности. Такие правила прежде всего способствуют усилению контроля над экономикой со стороны государственных властей, которые не являются ее элементом и которым не приходится рисковать собственными деньгами. Они только увеличивают и без того тяжелую нагрузку на тех, кто создает наше материальное благосостояние. Так, в Соединенных Штатах общий объем различных правил и инструкций, которым должны следовать предприниматели, составляет более 134 тысяч страниц (причем речь идет только о тех, которые изданы федеральными властями!); за один 2002 год регулирующие органы ввели в действие 4167 новых нормативных актов. Неудивительно, что все меньше людей стремится воплотить свои творческие идеи в конкретные деловые проекты¹.

Этим негативное воздействие подобных правил не исчерпывается. Когда государственное регулирование ставит препоны необходимой для предпринимателя деятельности, ему приходится посвящать немало времени – которое можно было бы потратить на решение производственных вопросов – тому, чтобы обеспечить соблюдение установленных правил или же их обойти. Если это оказывается слишком хлопотным делом, бизнесмен уходит в «неформальную» экономику, и тем самым его деловые операции лишаются юридической защиты. Многие фирмы используют свои финансовые ресурсы – которые в ином случае можно было бы инвестировать во что-то полезное – на «обработку» политиков, чтобы те приводили нормативы в соответствие с их потребностями. В результате у многих возникает искушение воспользоваться «связями», а чиновники вымогают большие взятки – особенно в бедных странах, где зарплаты госслужащих малы, а система регулирования довольно хаотична. Обуславливать производственную, коммерческую, инвестиционную деятельность граждан бюрократическими разрешениями – вернейший способ создать в стране всепроникающую коррупцию. Как заметил еще две с половиной тысячи лет назад китайский философ Лао-цзы, «когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников».

Если цель состоит в том, чтобы правила были объективными, а чиновники неподкупными, нет лучшего способа ее достижения, чем существенное дерегулирование экономики.

Рисунок 8. Экономическая свобода способствует сокращению масштабов коррупции

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

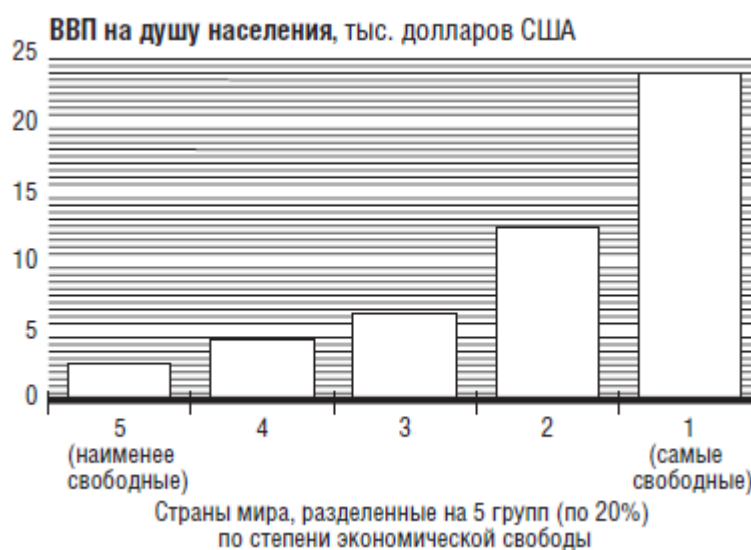
Амартия Сен утверждает, что необходимость борьбы с коррупцией сама по себе выступает достаточным основанием для дерегулирования экономики развивающихся стран, даже если эта мера не принесет пользы ни в чем ином².

Благотворные результаты экономического роста

Весь опыт человечества показывает, что именно либеральное устройство максимально способствует созданию материальных благ и устойчивому развитию. Политика и экономика – не точные науки: здесь мы не можем провести лабораторный эксперимент, чтобы установить, какой строй эффективен, а какой нет. Однако конфликт между капитализмом и централизованно-плановой системой можно считать примерным эквивалентом такого лабораторного опыта. В истории бывали случаи, когда страна с единым народом, одинаковыми стартовыми условиями, языком и нормами поведения оказывалась разделена между двумя системами – рыночной и централизованной, командно-административной. После разделения Германии на капиталистическую ФРГ и коммунистическую ГДР в западной части страны произошло «экономическое чудо», а восточная отставала все больше и больше. То же самое имело место в капиталистической Южной Корее и коммунистической КНДР. Первая вошла в число азиатских «тигров», делом доказав, что «развивающиеся» страны действительно способны развиваться. Если в 1960-х годах Южная Корея была беднее Анголы, то сегодня, занимая тринадцатое место в мире по объему ВВП, она по уровню жизни почти сравнялась со странами Западной Европы. И напротив, экономика Северной Кореи пришла к полному краху, и сегодня в стране наблюдается массовый голод. Такую же параллель можно провести между Тайванем – государством с рыночной экономикой, чьи темпы развития имели мало прецедентов в истории, и коммунистическим континентальным Китаем, где царили голод и нищета – до тех пор, пока страна не взяла курс на экономическую открытость³.

Аналогичное сопоставление можно провести и в мировом масштабе. Чем выше в стране уровень экономического либерализма, тем больше у нее шансов добиться процветания, мощного роста, лучших условий и повышения средней продолжительности жизни. Граждане самых свободных в экономическом отношении стран почти в десять раз богаче, чем граждане наименее свободных государств, да и живут они в среднем на двадцать лет дольше!

Рисунок 9. Экономическая свобода несет людям процветание

Источник: Economic Freedom of the World 2002 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2002⁴.

Рисунок 10. Экономическая свобода ведет к росту

Источник: Economic Freedom of the World 2002 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2002.

Экономическое развитие в мире за последние два столетия не имеет прецедентов в любые исторические периоды, предшествовавшие «прорыву» рыночной экономики в XIX веке.

Рисунок 11. Экономическая свобода ведет к повышению жизненного уровня

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

Рисунок 12. Экономическая свобода ведет к повышению средней ожидаемой продолжительности жизни

Источник: Economic Freedom of the World 2001 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson. Vancouver: Fraser Institute, 2001.

Испокон веков человечество испытывало постоянную нужду, людям каждый день приходилось бороться за выживание. В Средние века большинство европейцев страдали от хронического недоедания, имели лишь один комплект одежды и работали в помещениях настолько грязных и кишасших паразитами, что, по словам одного историка, «с точки зрения санитарии у них была лишь одна хорошая черта – они сгорали как спички!»⁵. После XVI века, когда между различными регионами мира постепенно завязываются первые, робкие торговые контакты, мы наблюдаем отдельные примеры экономического роста, но весьма незначительные.

В XVIII веке понятие «бедность» на всех континентах означало примерно одно и то же. По самым достоверным из имеющихся оценок (которые все равно крайне неточны), в те времена европейцы были лишь на 20 % богаче жителей других регионов мира. Затем, примерно с 1820 года, в результате промышленной революции развитие Европы ускорилося, но бедность оставалась ужасающей. Так, в самых богатых европейских странах средний доход на душу населения составлял от 1000 до 1500 долларов в год – меньше, чем в сегодняшней Боливии или Казахстане. Даже если бы все доходы тогда распределялись абсолютно равномерно, они все равно не позволяли бы людям преодолеть крайнюю нужду – пить чистую воду, досыта есть каждый день и иметь побольше одежды. Почти все население мира жило в страшной бедности, которая сегодня уже почти не встречается: лишь в самых нищих странах – например, Мали, Замбии или Нигерии – мы можем наблюдать нечто похожее. За прошедшие с тех пор двести лет среднедушевой доход населения по всему миру увеличился во много раз. Экономический рост в мировом масштабе за 320 лет (с 1500 по 1820 год) оказался в 30 раз меньше, чем за следующие почти два века (с 1820 года по сегодняшний день)⁶. Средний уровень доходов за последние двести лет увеличился более чем в десять раз. Экономический рост в Азии в последние полвека тоже набирает обороты, и, поскольку путь к процветанию уже проторен, его темпы выше, чем в Европе. Так, по сравнению с 1950 годом жизненный уровень в Японии повысился в 8, а в Китае – в 6 раз.

Увеличение инвестиций и необходимость находить более удачные, эффективные решения существующих проблем позволяет нам производить больше продукции, что приводит к ускорению роста экономики. Это ускорение, в свою очередь, рождает новые идеи и технологии и приводит к повышению производительности труда. ВВП (валовой внутренний продукт) представляет собой совокупную стоимость всех товаров и услуг, произведенных в стране. Разделив эту цифру на число ее жителей, мы получаем объем ВВП на душу населения – показатель, позволяющий примерно определить богатство страны. Экономический рост – то есть увеличение производства товаров и услуг – может кому-то показаться не самой увлекательной на свете целью, а в некоторых радикальных кругах к этому показателю относятся даже с презрением, называя тех, кто подчеркивает его значение, «экономистиками» и «фанатиками роста». Отчасти это можно воспринимать как вполне естественную реакцию на чрезмерное увлечение повышением объема ВВП в качестве самоцели, однако в действительности понятие «рост» означает увеличение производства, а с ним – повышение уровня жизни людей и расширение спектра открывающихся перед ними возможностей. В богатых странах рост экономики позволяет государству повышать социальные расходы, а людям – делать сбережения, больше потреблять, иметь больше свободного времени. В развивающихся странах экономический рост часто становится в буквальном смысле вопросом жизни и смерти, ключом к дальнейшему развитию – ведь именно благодаря этому больше людей могут есть здоровую пищу и пить чистую воду⁷.

Благодаря экономическому росту в Индии начиная с 1980-х годов в повседневной жизни людей многое изменилось: на месте глинобитных хижин строятся кирпичные дома, грунтовые дороги асфальтируются.

Рисунок 13. Доходы и жизненный уровень растут параллельно

Источник: *Melchior A., Telle K., Wiig H. Globalisering och ulikhet: Verdens inntektsfordeling og levestandard 1960–1998. Oslo: Royal Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2000.*

Электричество теперь есть везде, и ночью на некогда темных улицах зажигаются фонари. Теперь на этих улицах вас не преследует запах гниющих отходов, а современные дренажные системы позволяют устранить очаги инфекции. Даже бедняки могут позволить себе приличную одежду и обувь. Вот нагляднейший пример результатов экономического роста: женщинам в Индии больше не приходится стирать свое сари прямо на себе. В прошлом без этого нельзя было обойтись: большинство женщин имели только одно сари.

Рост экономики также означает расширение возможностей и влияния простых людей. Теперь простому индийцу незачем идти на поклон к местному ростовщику и попадать в пожизненную долговую кабалу – он обращается в банк. Люди могут искать работу в разных местах, наниматься к разным предпринимателям, их жизнью и смертью больше не распоряжается местный землевладелец. Хотя в Индии и проводятся демократические выборы, реальные перемены возможны лишь тогда, когда люди больше не зависят от местных элит и перестают голосовать «как приказано». Люди в бедных странах отправляют детей работать не потому, что им так хочется, а потому, что полученные деньги помогают прокормить семью. Экономический рост приводит к увеличению доходов и повышает «практическую полезность» образования; в результате родители посылают детей не зарабатывать на хлеб, а в школу. Это приводит и к тому, что у человека появляется больше прав в собственной семье. Никакой закон, запрещающий избиение жен, не будет действовать, если экономически женщина полностью зависит от мужа, поскольку в этом случае она никогда не пожалуется на него и не разведется с ним. Однако благодаря экономическому росту и расширению производства у женщины появляется возможность найти работу вне и даже вдали от дома. Она уже меньше зависит от капризов мужа.

*«Женщины из поколения моей матери вынуждены были терпеть это все, стиснув зубы. Но со мной такое не пройдет. Я могу говорить, что думаю. Жизнь – не только самопожертвование, она должна приносить и радость. В этом, я думаю, суть огромных изменений, которые происходят в Японии. Люди больше не хотят только работать, работать и работать. Сегодня они хотят, чтобы у них было время и на то, чтобы пожить как следует, получать от жизни удовольствие»
(двадцатидевятилетняя Эрико, вместо того чтобы пойти по стопам родителей и заняться крестьянским трудом, стала художницей и работает в рекламном бизнесе)⁸.*

Порой утверждают, что экономический рост выгоден лишь богатым, а бедные так и остаются бедными. Странное представление: почему, если общество в целом становится богаче, это не должно коснуться и бедных слоев? Двое экономистов из Всемирного банка, Дэвид Доллар и Аарт Краай, изучили статистические данные об уровне доходов в восьмидесяти странах за последние сорок лет, чтобы выяснить, подтверждается ли этот тезис фактами. Как оказалось, экономический рост приносит бедным точно такую же пользу, как и богатым. Если рост составляет 1 %, средние доходы бедных слоев населения тоже повышаются на 1 %, при десятипроцентном росте их доходы увеличиваются опять же на 10 %. Конечно, это происходит не всегда и не везде – без исключений не бывает, – но среднестатистическая ситуация выглядит именно так. Этот вывод подтверждается и рядом других исследований, а работы, где утверждается обратное, встречаются крайне редко⁹.

Рисунок 14. Экономический рост улучшает положение бедных (соотношение экономического роста и доходов бедных слоев населения на основе данных по 80 странам)

Источник: *Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001.*

Таким образом, экономический рост – лучшее лекарство от бедности. Иногда экономисты называют это «эффектом капающей воды», имея в виду, что некоторые обогащаются первыми, а затем, когда богатые начинают тратить или вкладывать свои доходы, часть этих средств «капает» в карманы бедняков. Это выражение может вызвать перед глазами образ несчастного бедняка, которому перепадают крошки с барского стола, но подобное истолкование дает совершенно неверную картину подлинных последствий экономического роста. На деле бедные выигрывают от роста примерно столько же, сколько и богатые, и их положение улучшается теми же темпами, что и у богатых. Они выигрывают от повышения стоимости их труда и увеличения своей покупательной способности.

Ни в одной стране еще не удавалось сократить масштабы бедности, не обеспечив устойчивого экономического роста. Нет и примеров обратного: то есть во всех странах, где происходил длительный, устойчивый рост, положение бедных слоев населения постепенно улучшалось. Еще один интересный вывод: нет ни одного случая, чтобы страна добивалась стабильного роста в течение длительного периода, не открыв свои рынки. В «Докладе о мировом развитии за 2000/2001 год», подготовленном Всемирным банком, содержится немало риторических заявлений о том, что экономический рост – это еще не все и для развития одного роста недостаточно: эта риторика, несомненно, связана с усиливающимся влиянием антиглобалистского движения.

Рисунок 15. Экономический рост улучшает положение бедных (соотношение экономического роста и доходов бедных слоев населения на основе данных по 80 странам)

Источник: *Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001.*

Но из таблиц, помещенных в том же докладе, явствует: чем выше были темпы экономического роста в той или иной стране за последние двадцать лет, тем больших успехов она добилась в сокращении масштабов бедности, снижении детской смертности, ликвидации неграмотности. В странах, занимающих последние места по темпам роста, масштабы неграмотности даже увеличились. Возможно, рост экономики и не является достаточным условием для всестороннего развития всех и каждого, но без него такое развитие вообще невозможно.

Если темпы экономического роста в нашей стране составляют 3 % в год, это означает, что ее ВВП, наши капиталы и доходы каждые 23 года удваиваются. Если эти темпы равны 6 %, удвоение происходит раз в 12 лет. Подобный рост приводит к беспрецедентному увеличению благосостояния. И напротив, эффект от самых энергичных шагов государства по перераспределению доходов по сравнению с этим незначителен – более того, подобная политика чревата опасными последствиями, поскольку высокие налоги, необходимые для такого перераспределения, могут подорвать экономический рост. А это значит, что существенные выгоды для всех в долгосрочной перспективе приносятся в жертву незначительному, пусть и немедленному, улучшению положения немногих.

Ситуация в экономике улучшается прежде всего за счет того, что люди делают сбережения, вкладывают капиталы, много работают. Облагать высокими налогами трудовые доходы, сбережения и капиталы означает, по выражению Джона Стюарта Милля, «наказывать человека за то, что он работал усерднее и сберег больше, чем его сосед»¹⁰. То есть людей карают за деятельность, наиболее выгодную для общества. Или, как метко написано на наклейках для автомобильных бамперов, «штраф – это налог на то, что ты сделал неправильно; налог – это штраф за то, что ты сделал правильно». Мы облагаем налогами алкоголь и табак, чтобы сократить их потребление, или вводим экологические налоги, чтобы снизить загрязнение окружающей среды. Но что мы можем ожидать от налогообложения предпринимательской деятельности, усердного труда и сбережений? Результат простой: все больше людей не желают «горбатиться» на работе, думать, куда вложить деньги, ломать голову над новыми идеями – ведь большая часть полученных доходов все равно достанется государству. Есть и другие результаты: фирмы тратят все больше сил на уклонение от налогов – сил, которые можно было бы направить на конструктивную деятельность, а люди расходуют больше времени на занятия не своим делом. К примеру, хирург, вместо того чтобы делать

то, что он умеет лучше всего, – спасать человеческие жизни, – остается дома и красит стены в гостиной, поскольку в этом случае ему не надо платить налог не только на собственные доходы, но еще и на заработок маляра¹¹.

Для стран с динамичной рыночной экономикой характерна социальная мобильность населения. Если вы бедны сегодня, это совсем не означает, что вы и завтра останетесь в том же положении. В отсутствие узаконенных привилегий и высокого налогообложения существует масса возможностей повысить свой уровень жизни за счет собственного усердия, учебы и бережливости. Четверо из пяти американских миллионеров сколотили состояния своими руками, а не унаследовали от родителей.

Да, в капиталистической стране, например в такой, как США, доходы самых бедных 20 % населения составляют всего 3,6 % от объема ВВП. Однако эту ситуацию нельзя рассматривать «в статике»: сточки зрения уровня доходов люди постоянно переходят из одной категории в другую – причем в основном продвигаются вверх, поскольку с ростом образовательного уровня и опыта работы повышается и зарплата. Из тех американцев, что входили в состав беднейших 20 % населения в 1975 году, лишь 5,1 % остались в этой категории к 1991 году. За указанный период почти 30 % из них перешли в разряд самых зажиточных 20 % населения, а 60 % – самых зажиточных 40 %.

Лучший способ борьбы с бедностью – дать человеку возможность самому выбраться из нищеты. В Соединенных Штатах Америки люди, оказавшиеся за чертой бедности, в среднем остаются в этом положении 4,2 месяца. Только 4 % населения США можно отнести к категории «хронически бедных», то есть остающихся в этом состоянии более двух лет. Тем временем ряды беднейших 20 % постоянно пополняются новыми людьми – студентами и нищими иммигрантами, которые, в свою очередь, всегда имеют возможность быстро подняться вверх по лестнице благосостояния¹².

Свобода и равенство вполне совместимы

Многие считают, что либерализация и экономический рост приводят к усилению имущественного неравенства в обществе. Еще раз повторю: это не самое главное. Если уровень жизни в целом повышается, то важнее улучшение вашего материального положения как такового, а не его уровень по отношению к положению других. Главное, чтобы как можно больше людей стали жить лучше, и это общее улучшение ситуации нельзя оценивать как ухудшение из-за того, что благосостояние некоторых растет гораздо быстрее, чем благосостояние остальных. Однако к равенству также следует стремиться – по нескольким причинам. Во-первых, большинство из нас, вероятно, считают, что у людей не должно быть непоставимо различных стартовых условий. Важно, чтобы у всех были равные возможности – не настолько, конечно, чтобы ограничивать шансы всех с целью их максимального уравнивания, но нельзя не признать: острое социальное неравенство порождает серьезные проблемы. Поэтому данный тезис заслуживает самого тщательного анализа.

Вторая причина состоит в том, что равенство, вопреки распространенному мнению, в действительности стимулирует рост. В условиях крайне бедного общества определенная степень неравенства, возможно, необходима, чтобы по крайней мере часть населения начала делать сбережения и вкладывать капиталы, однако, как показывает ряд исследований, страны, где обеспечена высокая степень равенства, в среднем добиваются более динамичного экономического роста, чем страны, где царит неравенство, в особенности если оно принимает форму крайних диспропорций в области землевладения. Одна из причин подобного явления заключается в том, что общества, где степень равенства выше, более стабильны и менее подвержены политическим потрясениям. Неравенство способно привести к конфликтам или требованиям о повышении налогов и расширении масштабов перераспределения – но все это угрожает экономическому росту.

Однако самая важная причина связана с тем, что для эффективной деятельности людям необходимы некие «базовые активы»: в стране со слаборазвитой экономикой эту роль часто играет земельный надел, а в современном обществе – образование. Таким образом, имеет значение равенство с точки зрения этих активов, а не то, что обычно имеется в виду в ходе политических дискуссий – равенство доходов и прибылей. В развивающейся стране, где сохранились элементы несправедливых феодальных порядков, а основные земельные угодья принадлежат немногочисленной элите, первостепенное значение приобретает земельная реформа, в результате которой возрастает количество собственников – а значит, и полноправных участников экономической деятельности. Важно также, чтобы образование было всеобщим и каждый гражданин имел возможность получить кредит для реализации своих идей в области бизнеса.

Никто не должен подвергаться дискриминации или отстраняться от участия в конкурентной деятельности на рынке труда посредством лицензий или узаконенных привилегий. Такое равенство играет роль катализатора экономического развития, в то время как перераспределение доходов становится препятствием для роста, поскольку в этом случае эффективная работа, повышение образовательного уровня или выдвижение новых идей приносят индивиду меньше прибыли.

Немного упрощая, отметим: значение имеет равенство возможностей, а не результатов. Цель состоит в том, чтобы все люди имели некие базовые возможности, а дальше уже от них зависит, как они нащупают путь вперед и каких результатов достигнут. Речь идет о двух аспектах одного и того же процесса: люди должны иметь возможность трудиться и проверять на деле новые идеи, а также право получать прибыль от своей деятельности, если добьются в ней успеха. Таким образом, общество стимулирует социальную мобиль-

ность, вознаграждает инициативу и усердие – а в результате повышается и благосостояние. Опасность для развития представляет не разница в доходах как таковая, а дискриминация и привилегии, которые обуславливают эту разницу в недемократических государствах. Этот вывод подтверждается и тем, что в недемократическом обществе связь между неравенством и экономическим ростом очевидна, а в современных, либеральных государствах она не прослеживается¹³.

Но, возможно, существует и противоположный эффект? Действительно ли, как часто утверждают, ускорение роста ведет к усилению неравенства? Ученые порой ссылаются на так называемую «кривую Кузнеця»: в статье, опубликованной в 1955 году, экономист Саймон Кузнец утверждал, что экономический рост поначалу приводит к усилению неравенства в обществе и лишь через какое-то время оно начинает сокращаться. Многие восприняли этот тезис как истину в последней инстанции и иногда используют его для дискредитации идеи о позитивных последствиях роста или хотя бы для оправдания политики перераспределения доходов. Сам Кузнец, однако, столь радикальных выводов не делал. Напротив, он объяснил, что его статья «на 5 % основана на эмпирических данных и на 95 % – на гипотетических рассуждениях», добавив: «Если ее воспринимать как ряд интуитивных тезисов, служащих отправной точкой для дальнейших исследований, а не как набор абсолютно подтвержденных выводов, она не только безобидна, но и может принести немалую пользу»¹⁴.

Если мы последуем рекомендациям Кузнеця и проанализируем развитие событий в мире после 1955 года, выяснится, что его предварительный вывод справедлив не всегда. Действительно, бывают случаи, когда экономический рост поначалу приводит к усилению имущественного неравенства, но общую закономерность из этого вывести нельзя. Есть государства – например, Индонезия, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Маврикий, – где мощный рост сопровождался сокращением различий в доходах, а в Китае, Таиланде, Пакистане и Бразилии он, напротив, приводил к увеличению разрыва между богатыми и бедными. Поразному складывалась ситуация в странах с низкими или отрицательными темпами роста. На Кубе, в Колумбии и Марокко неравенство уменьшилось, а в Кении, Эфиопии и Мексике в 1980-х годах или в России в 1990-х – увеличилось. Распределение доходов в обществе зависит от других факторов, например, стартовой ситуации в стране или внутривнутриполитического курса. Специалисты из Всемирного банка делают следующий вывод: «Имеющиеся данные говорят об отсутствии стабильной связи между ростом и неравенством. В целом степень имущественного неравенства внутри отдельных стран за последние тридцать лет не сократилась и не увеличилась»¹⁵.

Изучив ситуацию с имущественным неравенством, экономист Дж. У. Скалли пришел к выводу о *более равномерном распределении доходов* в государствах со свободной экономикой, открытыми рынками и гарантированными правами собственности. Это связано в первую очередь с тем, что в этих странах, по сравнению с несвободными, на долю среднего класса приходится больше доходов, а на долю высшего класса – меньше.

Рисунок 16. Экономический рост не усиливает неравенство (соотношение экономического роста и уровня неравенства на основе данных по 80 странам)

Источник: *Dollar D., Kraay A. Growth Is Good for the Poor. Washington: World Bank, April 2001.*

В «самых свободных» в экономическом отношении государствах доля национального дохода, получаемая самыми богатыми 20 % населения на четверть меньше, чем в «наименее свободных». Доля ВВП, получаемая беднейшими 20 % населения, не зависит от степени экономической свободы в стране, однако в абсолютных цифрах их доходы намного выше в государствах с либеральной рыночной экономикой¹⁶.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, чем выше в обществе уровень экономической свободы, тем меньше в нем имущественное неравенство. Но что происходит с равенством в период *перехода* к либеральной экономике? Усугубляет ли ускоренная либерализация неравенство в обществе? И на этот вопрос, судя по всему, следует ответить отрицательно. Шведский экономист Никлас Бергрэн изучил вопрос о том, как возрастание экономической свободы влияет на имущественное неравенство. В странах, где с 1985 года происходит либерализация экономики, неравенство сократилось, а в тех государствах, где либерализации не было, – осталось на прежнем уровне или даже усилилось. Быстрее всего сокращается неравенство в бедных развивающихся странах, энергично проводящих экономические реформы.

Рисунок 17. Экономическая свобода и неравенство доходов (отношение доходов самых богатых 10 % населения к доходам самых бедных 10 %)

Источник: Economic Freedom of the World 2000 / Ed. by J. Gwartney, R. Lawson, D. Samida. Vancouver: Fraser Institute, 2000.

Выводы Бергрена говорят о том, что имущественному равенству в обществе способствуют два основных фактора: свобода международной торговли и свобода движения капиталов на международном уровне – две «визитные карточки» глобализации¹⁷.

Та же картина получается, если систематизировать страны мира по иному принципу – по степени их «глобализованности». Журнал Foreign Policy и консалтинговая фирма A.T. Kearny попытались разработать «индекс глобализации», в рамках которого оценивается, как часто граждане той или иной страны делают покупки и инвестиции за рубежом, звонят и выезжают за пределы собственной страны. Как выяснилось, «глобализованные» страны отнюдь не отличаются самым высоким уровнем неравенства. Напротив, «для большинства стран как со зрелой рыночной, так и с переходной экономикой характерно сочетание более высокой степени „глобализованности“ и равенства доходов»¹⁸.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.